

25-го мая 1930 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

58

25-го травня 1930 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 3-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Любовь Самсонова*: Ночью на хуторе.
2. *Александр Пивень*: Весенняя ночь на Кубани.
3. *В. Седов*: На чужбине.
4. *Д. Воротынский*: Белая смерть.
5. *Ис. Быкадоров*: Внукам.
6. Лиге Наций.
7. Инж. *В. Бейсуг*: „Пятилетка“ у нас.
8. Др. *Эренджен Хара-Даван*: Тупики и исходы русской революции.
9. *Шамба Балинов*: Quos ego!
10. *Константин Поляков*: „Вынужденный прогресс“.
11. Думы и мысли.
12. Иностранцы о казаках.
13. По страницам газет и журналов.
14. Казачья эмиграция.
15. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик.

Белград. — Б. К. — Получено. Привет.
Белград. — Х.-Д. — Получено. Для помещения является уже запоздалым. Привет.
Саранколин. — Ф. З. А. — Получено. Привет.
Белград. — В. К. — Получено. Пойдет в след. номере. Привет.
Греция. — М. Н. — Получено. Привет.
Греция. — Ф. К. — Будет послано. Привет.
Греция. — В. П. — Посылается. Привет.
Югославия. — Г. Т. — Получено. Спасибо за доброе слово. Привет.
Париж. — Ф. Е. — Книги получены. Привет.
Польша. — А. К. — Получено. Воспользуемся в след. номере. Привет.

Югославия. — Г. А. — Получено. Пришлите другую фоторафию. Привет.
Брно. — В. К. — Получено. Привет.
Югославия. — А. П. — Ответ будет. Привет.
Югославия. — А. Ч. — Спасибо.
Болгария. — И. У. — Получено. Привет.
Югославия. — П. А. — Получено. Привет.
Югославия. — П. К. — Ответ будет. Привет.
Югославия. — Г. Д. — Получено. Привет.
Франция. — В. С. — Получено. Хорошо. Привет.
Югославия. — Я. К. — Получено. Спасибо. Привет.
Бразилия. — С. С. — Одержано. Добре. Вітаємо.
Болгария. — П. К. — Получено. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асень, 20.

А. Шапошников. Сливен.

С. Мукукенов. София, кв. Х.-Димитров, Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15.

Ф. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kunišćak, „Ruski dom“.

А. П. Чорный — А. Corny. Drvar, Vrbaska Ban.

А. А. Гейман. Zajечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопье.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В О Ф Р А Н Ц И И:

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff). Le Grillon, Cagnes s/m, France.

С. Б. Аршинов (район Лиона). M-eur Archinoff, Maison Bel-air, 22, à Décines.

С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.

Е. М. Якименко. M-eur Jakimenko, 44, rue Rouelle, Paris (15).

Т. К. Хоруженко. M-eur Horouchenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

Б. Х. Бембинов (район Нанта). M-eur Bembinoff, Verreries de „Bretagne“ à Verton.

В ПОЛЬШЕ:

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, Strażacka, 3.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky, Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhošťská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 58

Прага, воскресенье 25-го мая 1930 г.

№ 58

Любовь Самсонова. (Прага).

НОЧЬЮ НА ХУТОРЕ.

В твоём оконце свет погас...
Я постучусь, не бойся!
Все спит в глухой полночный час,
Все в доме спит... откройся!..
Я тихо у окна приник,
Я здесь, я жду, ты слышишь?
За вербой кривит месяц лик...
Ты там за дверью дышишь?
Откройся, я как тень войду...
Пол скрипнет под ногою...
Вся ночь пройдет, как сон, в бреду...
Уйду чуть свет, с зарею...
Открой же дверь, не прекословь,
Ночной крепчает холод;
Во мне вином играет кровь,
Я лучше всех, я молод!..
Ползет с левад сырая мгла,
Чуть, чуть скрипит задвижка —

Ты, верно, смотришь из окна,
Балуешься плутишка?!
Твой стучал бойко сапжок
Сегодня в курагоде...
Откройся, слышишь, ждет дружок,
Как нищий у порога!
Я вижу в щель твой хитрый глаз;
Молчишь, а в сердце мука?
Ну, выйди, под амбар на час!
Просунь хоть в двери руку!
Ага, идешь! Чуть шире щель...
Ой, ой спасайся... к стогу!
Стучит, срываясь с петель, дверь,
Костыль летит в дорогу...
Гремит, в догонку, сонный бас,
Пес брешет, быстрый топот
Проворных ног... А через час
Под дверью тот же шопот!..

Александр Пивень. (Югославия).

Весенняя ночь на Кубани.

(Отрывок из незаконченной повести).

Как прекрасна на Кубани весенняя ночь, как она таинственно тиха и полна дивной прелести! Вот она незаметно, точно украдкой, спустилась над уснувшей станицей и раскрывает в серебряном свете месяца одну за другою чудные картины своей волшебной сказки. Словно молодая невеста в подвенечном наряде, покрыла все красавица — ночь свою прозрачной фатой и обвила таинственным, только ей одной свойственным, колдовством и очарованием.

Медленно плывет в глубокой синеве неба полный, ясный месяц, любовно оглядывая дремлющую станицу и засматривая во все ее широкие дворы, в темные сады-левады, в таинственные садочки и скрытые уголки. Убаюканная и заласканная этим нежным, мягким светом, станица раскинулась и разметалась в сонном забытьи своими бесконечными улицами и переулками и тихо дремлет, полная чудных грез и видений. Будто малый нежный ребенок в белоснежной пуховой колыбели, заботливо укутанный любящей матерью, она вся утопает в окружающей роскоши, одетая пышными са-

дами цветущих вишен, черешень и абрикосов, которые дивными кудрями белого и темно-розового цвета ниспадают с возвышений и пригорков в яры и речные склоны, благоухая в ночной тиши сладким миндальным ароматом.

В станице всюду тихо. Утомленные дневной весенней работой, жители ее давно спят. Только изредка слышится кое-где лай собак, да с далеких окраин доносится иногда пение неугомонной молодежи, которая часто в такую ночь не ложится спать до самого расвета.

А какой красавец наш веселый, ясноликий месяц, — большой любимец и приятель нашей станичной молодежи! Как он добродушно ласков и приветлив, и какая у него широкая во все лицо улыбка! Когда он вечером всходит над землю своим полным круглым ликом, будто большая раскаленная сковорода, то всякий в станице старик или старуха доподлинно знают, что месяц выкован из чистейшего червонного золота. И потому именно, говорят они, сотворил его Бог из чистого зо-

лота, что только хорошее червонное золото может засветить, как следует, в ночное время. Но не то диво, говорят еще старые люди, что месяц зологой, а то Божие диво, что он не мертвый, а живой, и что дал ему Бог чистое казачье сердце и добрую душу и большие-пребольшие светлые очи, чтобы он каждую ночь светил с высокого неба на землю и смотрел за всеми людьми. И вот потому-то месяц всю ночь в полнолуние так ярко светит и обо всем, что делается на земле хорошего или нехорошего, рассказывает днем самому Богу.

Взглянет, положим, месяц в большой тенистый сад, заросший раскидистыми яблонями, высокими великаными-грушами или стройными абрикосами, — ему непременно нужно подсмотреть хоть одним глазком и хорошенько узнать: куда именно спрятался молодой казак Тышко со своей светлосой коханкой Натусей, крепко ли он ее любит и горячо ли в ее сочные, теплые губки целует? Или направит он свой взор на вишневы садочек, возле беленькой чистенькой хаты, у которой все окна так причудливо расписаны синими и червонными лапками, — он и здесь внимательно следит сквозь густую вишневу листву: скоро ли выглянет из окошка смуглое личико кучерявенькой Гапуни, и как она ухитрится, украдкой от матери, поцеловать черномазого Мусийка, который давно уже терпеливо поджидает ее под окошком, спрятавшись в кустах бузка? Увидит месяц, что и там, и здесь все в порядке, по хорошему, и добродушно, ласково улыбнется. Когда же услышит он звонкоголосую, длинноносую Миланку, что каждый вечер поет в конце большой отцовской левады, над самою речкою, так и с совсем, обрадуется своим добрым казачьим сердцем, направит туда свои чистые и ясные очи и непременно проследит, где она и что делает: идет ли росистою левадой, обмывая в мокрой траве свои белые ноги; пробирается ли под тополями, берестом и ясенем, которые каждое лето так причудливо, с низу до верхушки, обвиты хмелем; или уже стоит над чистою, как ясное зеркало, криницею, обросшей плакучими вербами и червонною лозою? И когда увидит, что Миланка уже на месте, возле криницы, и уже ластится как ясочка, и крепко обнимает своего Панька, — ему станет любо и отраднo; выглянет он из-за вербы своим светлым ликом, отразится целиком в чистой кринице и смотрит затем с двух сторон, снизу и сверху, во все глаза на влюбленную парочку, на их чистую любовь и добрые ласки; и рад-радешенек наш добрый месяц, и долго-долго на них смотрит, и все улыбается своей приятною улыбкой. А потом весело, беззвучно рассмеется, когда услышит, как эта голосистая певунья запоет:

Зійшла ясна зіронька,
Усе поле освітіла;
Вийшла красна дівонька, —
Козаченька звеселила.
Не подоба зіроньці
Раньше місяця тай ходити;
Не подоба дівоньці
До козака тай виходити!..

Крепко любят в станицах все парубки и, в особенности, чернобровые дивоньки наш веселый светлоокий месяц! Любят за его ясную, небесную красоту, за его ласковость и доброту. Знают они, что он постоянно на них с высокого неба смотрит, всю их чистую любовь видит и знает и часто им где случится, помогает. Лю-

бят они и все звездочки-зіроньки — эти ночные ангельские очи — и каждую ночь поют им и месяцу много ласковых песен или жалуется на свою незгодоньку...

Так ходит себе месяц дозором по небу каждую ночь. Никто от него не укроется, никто не спрячется; бывает только иногда, что сам месяц прячется от людей, когда заметит на земле какое недоброе, беззаконное дело. Увидит он как-нибудь, что из хаты вышла нехорошая, дурная жена, оставивши там малых своих деток, пробралась тайно от мужа к бессовестному соседу-куму и целует его нечистым, грешным поцелуем, — печалится очень наш добрый месяц и сейчас же спрячется на малое время за тучку. Стыдно ему, что так нехорошо делается среди добрых людей, и не хочет смотреть он в это время на землю. Когда же увидит месяц, что где-либо творится страшное, безбожное дело: кража, грабёж, драка и смертоубийство, — закроет он свои ясные, правдивые очи, скроется совсем за большую темную тучу и больше не показывается до самого рассвета.

Тихо и спокойно взошел месяц в этот вечер и весело, любовно оглядывал станицу, засматривая во все ее дворы, во все сады и левады. Уже он осмотрел все места, уже увидел всю молодежь, всех своих любимцев, и затем, обдумывая, куда бы еще взглянуть, случайно остановился своим взором на далекой леваде казака Степана Паливоды, что раскинулась над рекою, на самой окраине станицы. Никогда не видел он здесь молодежи. Он знал хорошо, что у Паливоды есть сын — молодой Василько и что он крепко любит свою Катруню. Знал он и то, что они виделись редко, так как жили далеко друг от друга, и что всякий раз Василько приходил к ней сам, в назначенное потаенное место, возле глубокого яра.

Взглянул теперь месяц в леваду Паливоды и вдруг видит: стоит под большой развесистой вербою, в глубокой тени, обнявшись, влюбленная парочка — казак и дивчина, и слышит он горячие поцелуи, вздохи, подавленный плач и опять поцелуи.

— «Кто бы это были?» — думает месяц. — «Кажись, это стоит рослый и статный Василько?.. Да, это он... Так неужели он завел себе другую коханку, какую-нибудь ближнюю соседскую дивчину, а Катруню разлюбил и покинул? Но нет, быть этого не может!.. Не такой Василько казак, чтобы сделать это. Да и слишком хороша Катруня: другую такую, пусть весь свет обойдет, нигде не найдет!»

Так думает месяц, а сам смотрит в малую щелочку, между листьев, и никак не может разглядеть: спрятала девушка свое лицо на груди у Василька, припала к нему вся и плачет, вздрагивая плечами, а тот ее любовно гладит по головке и утешает: „будет, серденько, голубонько! Перестань моя ясная зіронько!“ Но вот девушка вдруг подняла голову, крепко обвила руками шею Василька и порывисто, горячо стала целовать его.

„О!.. Да это же сама Катруня!“ — Обрадовался месяц, узнавши знакомую девушку. — „Но почему же, почему она сама пришла к казаку?.. Ведь этого нигде не бывает, это — срам!.. И потом — так горько плачет... Нет, видно что-нибудь у них не совсем ладно...“

Встревожился месяц, слушая плач молодой девушки, — слишком он отзывчив на всякое горе молодежи, — и стал внимательно прислушиваться к их беседе.

В. Седов. (Франция).

НА ЧУЖБИНЕ.

Вот и весна наступает.
Птица на север летит.
Что-то нас здесь ожидает,
Что-то весна нам сулит?
Как я завидую птицам,
Этим воздушным царям, —

Нет их предела границам,
Нет у них злобы к людям.
Длинной сплошной вереницей,
С радостным гимном весне,
Дружной, шумливой станицей
Мчатся на север оне.
С болью-тоской провожают
Вестников дальней весны,
С ними привет посылают

Дону седому донцы.
Быть обещают, родные,
Скоро в свои курени, —
Красных оковы стальные
Сбросить клянуться они...
Мчитесь же, вольные птицы,
С юга на север смелей, —
В наши родные станицы
Весть донесите скорей.

Д. Воротынский. (Париж).

Белая смерть.

Крещенский сочельник приходился в субботу и Пахомовна накануне убрала две маленькие комнаты заводской квартиры, напекла пирожков с рисом и изюмом на постном масле, наварила взвару и в десятый раз приказала своему сыну привести на обед во время полуденного перерыва двух станичников.

— Да незамай, так в рабочих кустюмах пусть и идут, никто не сымет... Веденей все на голову жалится, свяченой водицей помочу... О здравии подам за всех. А ты, Микитушка, так и не вписал в поминку новопреставленного воина Зота? Сорокоуст на исходе, нака зараз пропиши, подам на проскомедию, а то дома на Мечетных кто за него, горемыку, будет размаливаться?..

Утром в сочельник проводила сына на работу и стала одеваться к обеду.

Маленький негий котенок сидел на столе и лапкой приглаживал свою мордочку.

— И нонче гостей кличешь? Хучь и не умывайся — придут.

Котенок посмотрел на Пахомовну, сощурил глаза, зевнул и спрыгнул на стул. Пахомовна достала из некрашеного сундучка три белых, повитых золотой полоской, свечки, завернула их в чистую с зелеными каймами утирку, накинула на плечи большую черную, вывезенную из дома, шаль и стала молиться перед старинным деревянным образом своего ангела хранителя великомученицы Варвары.

Две вещи, две радости были у Пахомовны — черная шаль и икона, только они и оставили память о родном углу и, глядя на них, Пахомовна всегда плакала, вспоминая, потонувший в крутых зеленях Терновой балки, свой хутор Пригорский.

— Кажись, все взяла. Поминанье вот оно, франки, свечи, ведро для свяченой воды... А ты, бедокур, не балуйся тут, а будешь блудить, так я тебе задам лупцовку, слышишь?

Котенок спрыгнул со стула, сгорбился, фыркнул и понесся кругом комнаты.

— У-у-у ты, сатаил!. Вон там около печки молочка пресного тебе влила... Ну, пора и в церкву итить. Спаси и сохрани, Господи Иисусе Христе!

Церковь была просторная, помещалась в длинном заводском бараке и так как день был будний, то, кроме двух десятков дам, никого в ней не было. Служил о. Поликарп, стройный, высокий, седой старик, бывший офицер, принявший сан по призванию и во время службы церковной весь отдававшийся Богу. Прихожане-рабочие любили своего пастыря и в особенности Пахомовна часто находила утешение душе в святых истинах о. Поликарпа. За псаломщика пела красивой контральто одна из молящихся и голоса молодой дамы и старого батюшки радостно наполняли пустоту храма.

Обедня отошла скоро и Пахомовна все внимание устремляла на чин освящения воды. Почему-то с детства она возвышала перед другими праздники с водосвятием. Светлыми днями были для Пахомовны и Крещение, и Преполование и Первый Спас. Может быть, воспоминания об этих праздниках воскрешали молодые

годы, когда с подругами и парнями они гурьбой, с беззаботным весельем, проводивши с речки Холодной крестный ход, шли по перелескам, садам и левадам домой, с остановками, смехом, поцелуями, тихой игрой любовных песен. Или лютые морозы Крещенские, говоры ранней весны, августовские синие ночи степные с сильными росами особенно жгли бурливую кровь в эти дни, когда Распятый на кресте за грех человеческий погружался в чистые воды степных мелководных речушек.

Переживала ту же девичью радость Пахомовна и в странной церкви, не настоящей с высокой светло-серой колокольней и с голубыми куполами, а в каком-то длинном сарае, точь в точь как поповский сарай в их хуторе Пригорском.

— Гла-а-ас Господень на водах вопиет глаго-о-оля-а-а, — возвестила кучке молящихся красивое контральто и хрипчатый басок о. Поликарпа и Пахомовна не сдержала улыбки на морщинистом желтом лице. Она увидела маленькую, игрушечную Иордань, так хорошо устроенную о. Поликарпом. Деревянное Распятие, ведра с водой, бледно-мерцающие свечечки и весь горящий в старенькой голубой ризе пастырь.

— Бывалча, морозиче в этот день страсть какой и все в шубах и в валенках... Крест ледяной на Ердани и от воды пар, будто Дух свят оттуда дует... А Зиновой Сидрович и Петро Ухналь уж наготове и лишь чуть певчие запоют про Ердань, они булты-ых в прорубь, охланутся по три раза, укатают их тулупами, на подводы и алюром домой... И матерые были старики, пьют, бывало, по тридни и круглый год ни одна болячка не пристанет! Кабатчик четвертную бутылку уж по заведению крещенским купальщикам ставит... А гульбы этой было на хуторах! Мой старик перво-наперво приказывал запрягать тройку и штобы колокольник на дуге звенел... Снежки белые-пушисты принакрыли все поля... Греха-то, прости Господи, всякая ералаш в голову прется, — думала Пахомовна и старалась отогнать далекое, теперь уже ненужное, но то далекое мутило тело и было томительно-радостно на тоскующей душе.

Мысли перекинулись к сыну Никитушке, к его друзьям, им всем пожалуется Пахомовна на то, что бес так вот и подкатывается, старается отделить человека от Бога.

Ослабла, ноги утомились, сердце билось сильно-сильно, словно кто напугал невзначай.

— Во Иордани-и крещающуся Тебе, Господи-и-и, — весело запели о. Поликарп и контральто и это божественное веселье покатило по низкому храму. Точно сговорившись, все опустили на колени. Хотела опуститься и Пахомовна, но что-то неведомое укололо ее в сердце с такой силой, что, наклонившись, она почувствовала нестерпимую боль. Мгновенье и свалилась на руки двух подбежавших женщин. Брызнули на Пахомовну святой водой, но тело было уже мертвым.

— Явле-ейся Христе Бо-оже и мир просвещей, слава Тебе-е-е, — пела чудесную песню о. Поликарп и красивое контральто.

Ис. Быкадоров.

В Н У К А М.

Сизокрылый орел над долиной царил: журавлей, лебедей в поднебесьи когтил; у подножия скал быстрых серн настигал; тень орла увидав, тур пугливо бежал, и скрывался он в чащу лесную; лета шум услышав, барс трусливо дрожал, и спасался он в заросль густую.

И задумал орел гнездо новое свить великана-горы на уступе вершины; ближе к небу хотелось жить, и чтоб виделось все из долины. А повыше орла много лет сокола на уступах горы той гнездились. Целы дни, до зари, у подошвы они пестрой стаей летали, кружились. Но, как буря — гроза он на них налетел: соколиный убор растрепал, смелым грудь растерзал... И многие в битве кровавой той пали: как камни, скатившись с гор, соколиные трупы лежали. Владенья свои

могучий орел оглядел, усевшись на троне-вершине, и клекот победный, как гром, прогремел пронесшись эхом в долине.

* *

Много лет, как по волнам морским, в море делом обычным уж стало плавать стругам казачьим донским, когда Войско их в бой посылало. Корабли донцы брали в полон, силу ратную турок громили, с городов брали дань-злато, жемчуг и ткань, — как орел тот, добычу на Тихий свой Дон в городки, в курени приносили.

И задумало Войско Азов-город добыть: к морю Синему ближе хотелось быть, и чтоб стругов проходу вражья сила помехи чинить бы не смела. Собралась могучая рать и, как орел на соколье жилье, на твердыню она налетела. Два месяца битва кровавая шла, кровь ручьями текла, не жалели донцы басурманских голов и — пал неприступный Азов.

По землям приморским, по странам далеким заморским, как над широкой долиной, клекот могучий орлиный, весть о победе донских казаков разнеслась: громом гремела, бурей редела, водным потоком неслась...

* *

В старину было то на Дону: Войска Славного ратная сила доблесть, честь, как святыню хранила. Где теперь его рать? Нам ее не сыскать — из родного гнезда сила вражья ее разогнала. Пали одни, живых доля — бесславия дни. Погибли знамена, их буря - гроза растрепала. Край наш Родимый поруган, братья и сестры в оковах-цепях, дети у хищников в цепких когтях. Пали духом отцы, от битв новых они отказались; но заветы дедов, тех могучих орлов, как святыне знамена, остались. Внуки! Вы стали орлами, — расправьте ж могучие крылья и клекотом слова разбейте отцовские цепи бессилья. Мысленно, сердцем и волей в единую рать собирайтесь, в стаю могучих орлов вы слетайтесь. наших предков-дедов, верных Дона сынов, своим внукам — святыне заветы; наша сила, знамена, присяга — обеты. Грозною тучей, стайей могучей полетим мы вперед на врагов и Край наш Родимый и братьев страдальцев спасем из тяжелых оков.

Лиге Наций.

В. К. обратилось в Лигу Наций со следующим протестом:

Культурный мир недостаточно знал и знает о существовании на Востоке Европы Казачества — этого отдельного славянского народа, наряду с другими славянскими народами — украинским, белорусским и великорусским. Этим незнанием, быть может, до некоторой степени и объясняется равнодушное культурного мира к той страшной трагедии, которая сейчас разыгрывается в наших Родных Краях под деспотической властью красной Москвы.

Современные казаки являются потомками вольных казаков, с давних времен и до начала XVIII ст. живших самостоятельной государственно-политической жизнью. Но, усилившаяся Москва, под водительством Петра I, а потом и Екатерины II, огнем и мечом подчинила себе казаков, уничтожив их государственную независимость.

После этого императорская Россия постепенно обращает Казачество в „военное сословие“. Двухвековая зависимость от власти русских царей все же не могла убить в Казачестве его общественно-политической сущности, вытравить из него своего национального самознания и своих государственных идеалов.

Когда разразилась мартовская революция 1917 года, а потом и большевицкая октябрьская, казаки, забывшие своего исторического прошлого, сразу восстановили былые свои го-

сударственные институты и приступили к самостоятельной государственной жизни в своих вновь воскресенных республиках.

После двухвекового порабощения, Казачество, освободившись от Москвы и восстановив свою государственную самостоятельность, лихорадочно взялось за строительство и организацию своей молодой государственности. Но Москва, на этот раз уже красная, по своей старой традиции, пожелала снова заковать Казачество в железные кандалы, вогнать его в душную тюрьму теперь уже советского режима, придавить интернациональным, большевицким сапогом. На это Казачество ответило вооруженной борьбой, продолжавшейся три года. Оно три года героически боролось с большевиками за свою свободу, за свою государственность. В этой страшной, кровавой борьбе Казачество потеряло почти 50% своего мужского населения. Истекая кровью, ведя жестокую борьбу с большевиками за свою свободу и независимость, Казачество ни на один миг не забывало, что оно, в то же самое время, защищает и свободу вообще против новых московских поработителей, защищает культурный мир от нашествия большевиков.

Но, новое московское самодержавие снова разгромило свободолюбивое Казачество. Повторилась старая царская история: огромное количество казаков ушло на чужбину искать убежища, не желая надевать на себя ярма насильни-

ков, воцарившихся в наших родных краях — Казаккии, а вынужденно оставшиеся там наши братья подверглись нечеловеческому гонению.

Новые насильники — большевики решительно приступили к денационализации казаков. Для этой цели они произвели новое административное деление Казахых Областей, в силу которого последние, раньше представлявшие единое политико-географическое и хозяйственно-экономическое целое, были раскромсаны и вошли в новые русские административные округа; единое живое казачье тело было разрезано на несколько частей. Началось страшное преследование всего казачьего. Упразднили самое имя казак. Казачий уклад жизни, казачий быт, культура, казачья песня, казачье национальное сознание, казачьи государственные стремления — все это подверглось гонениям, все это подверглось насильному искажению и ломке. Пребывание казаков в своих родных краях стало хуже положения населения земель, покоренных и оккупированных необузданным неприятелем.

Но все эти жестокости и гонения не достигли своей цели — денационализации казаков. Казачью душу, казачью сознания они не могли изменить; казачью сущность, казачью идею не могли убить. Определенно ясно стало для большевиков, что пока казаки физически будут существовать, с ними ничего нельзя сделать. Поняв это, большевики стали беспощадно уничтожать или распылять казаков, путем ссылки, высылки из родных краев, а на отобранных у Казачества землях поселять только им угодные, пришлые с Севера элементы.

Все же до начала этого года эта мера не принимала столь широких, грозных для самого физического существования Казачества размеров, какие приняла она теперь. В этом году большевики нашли „законный“ способ физического удаления казаков с их родной земли — „коллективизацию“. Большевики всей своей политической и экономической системой создали в Казакии такие условия, при которых абсолютно невозможно не только развитие но вообще даже простое существование частного, индивидуального хозяйства. В силу декрета о „стихийной коллективизации“ у, так называемых, „кулаков“ отбирается все имущество и передается „колхозам“, — организациям „бедноты“, главным образом, пришло из России.

Казаки же, в своем огромном большинстве представляющие отдельные, индивидуальные сельские хозяйства, целиком подпадают под катего-

рию „кулаков“ и, в силу закона о коллективизации, открыто грабятся советской властью в пользу пришельцев.

С целью стереть Казачество с лица земли, большевики умышленно разоряют наиболее сильные и устойчивые хозяйства, отдавая их на разгромление колхозам. Бесперывные реквизиции и непосильные налоги выкачивают из населения все последние остатки накопленных веками богатств и делают бессмысленным всякий труд, всякую работу. Парализуя выявление всякой хозяйственной инициативы, большевики систематически добиваются полного паралича хозяйственной жизни Казахых Земель, видя в этом залог успеха своего дьявольского плана — уничтожения Казачества.

Таким образом, казаки на своей родной земле очутились в невыносимом положении: или отдать все свое хозяйственное добро пришельцам и буквально обречь себя на голодную смерть, или бежать из своих родных краев в другие, более отдаленные места РСФСР, где, в силу того же закона о коллективизации, они могут поступать в колхозы, с неопределенным, но во всяком случае с нищенским хозяйственным будущим. У себя дома они, как „кулаки“ лишены права поступать даже в местные колхозы.

Так на глазах всего культурного мира разыгрывается еще один акт страшной трагедии славного, рыцарского славянского племени — Казачества, исторического поборника свободы, равенства и братства.

Мы никого не просим идти бороться за наши интересы. За свою свободу, за свою государственную самостоятельность мы будем бороться сами, но мы, казаки эмигранты, живущие в свободных условиях культурной Европы, имеющие возможность свободно высказывать свои мысли, поднимаем ныне свой голос для категорического протеста против уничтожения наших братьев перед Лигою Наций — перед тем высоким учреждением, которое является высшим достижением нашей эпохи и которое призвано всячески способствовать осуществлению великого принципа XX столетия — самоопределения народов — и защищать и справедливо разрешать вопросы международных взаимоотношений, и которое ничего еще не делало для того, чтобы хотя в какой-либо форме выступить для смягчения бесчеловечного политического, экономического и социального режима красной Москвы над покоренными ею, но несчастными народами.

Инж. В. Бейсуг.

„Пятилетка“ у нас.

V. Разбор пятилетки.

(Окончание).

В последнем очерке мы закончили изложение пятилетки в том ее виде, в каком ее создали соответствующие органы в наших Землях и утвердило Московское правительство. Следующим естественным этапом была

бы остановка внимания на том, что из этого плана исполнено за истекшие 2½ года. Эту часть своего изложения мы сольем, однако, с частью следующей и последней — критическим разбором всего плана: оба момента связаны между собой органически, так что разделять их и излагать отдельно было бы не целесообразно. Кроме того, большевистские данные о ходе пяти-

летки публикуются, обычно, в виде отчетных процентных цифр по всему СССР одновременно, указывается просто %, насколько план по данной отрасли промышленности, или схоз. был выполнен, без указания дальнейших деталей по районам. Местные же издания выходят с большим опозданием и представляют не всегда достаточно солидные для использования источники.

Если на последнем экономическом совещании в Париже рядом авторитетов и было признано, что советскими статистическими данными можно пользоваться с достаточным доверием, то это касается только публикаций центральных статистических учреждений, обслуживаемых штатом старых специалистов. Если в центре по директивам свыше весь тот материал, который нежелательно предавать гласности, просто выпускается, обходится, но то, что печатается оказывается уже более менее материалом прочитанным, то на „местах“ не стесняются заполнять и пустые места, почему к таким публикациям и приходится относиться осторожно.

Ряд ниже встречающихся цифр касается всего СССР в целом, но эти цифры, повторяем, применимы и к нашим Землям. Так же и сам разбор пятилетки в значительной мере касается всего плана, ибо по отдельным частям план не может ни проводиться, ни иметь какое либо значение.

Как мы указывали в начале очерка, пятилетка и вопрос ее проведения в жизнь по существу являются вопросами существования самих большевиков. Вот почему и критика плана, его разбор представляют трудную и ответственную задачу собственно подведения итогов экономическому положению СССР. Мы считаем поэтому необходимым предупредить читателя, что для нас большевики представляют не только врага, но врага серьезного. По отношению к ним мы считаем допустимой политику какую угодно, но только не лозунг „шапками закидаем“. Мероприятия большевиков, даже самые дикие и фантастические, необходимо не только отрицать и высмеивать, но и изучать, ибо они оказываются всегда дьявольски продуманными и проводимыми с изумительной настойчивостью.

Первое условие для победы над врагом, — это „знать врага“. Мы слишком уже многим заплатились, не желая считаться с силой большевиков, не доценивая их возможности. Разве брошенный в массы лозунг социализма не является доказательством, что мы правы? Используя послевоенное утомление масс, прекрасные выдрессированные большевицкие агитаторы увлекли массы, разлагали враждебные им военные силы и сообразили одно время не мало и наших молодых „фронтовиков“. Борьбась с ними мы были бессильны иногда потому, что мы не знали их. Мы просто кричали, они доказывали; мы ругали социализм, мы больше инстинктом протестовали против него, — он и знала его и рядом демагогических лозунгов социализма увлекли толпу. Не было бы ничего более губительного, если бы мы и теперь только кричали и ругали *à priori*, говоря о пятилетке. Ее прежде всего надо знать, и знать не только по эксцессам проведения и отрывочным бытовым сценам, но всю в целом.

Вот теперь, когда Сталин протрубил из Москвы отбой, „кулаков“ уже из хат в такой мере не выставляют, — так значит пятилетка стала „хорошей“? Конечно, нет. Но, если судить по таким крайностям, не зная материала по существу, то значит „да“.

Для нас должны быть может более интересны не неудачи большевиков, но те места, на которых они держатся. Чтоб решать кардинальный вопрос, когда же, наконец, падут большевики, быть может наиболее всего знать, чем же они, собственно, держатся.

Вот тех несколько мыслей, с которыми мы подходим к критике пятилетки.

Пятилетка есть план. Как и всякий план, ее потому можно рассматривать с 3 точек зрения: с точки зрения конечных целей ею преследуемых, со стороны внутренней выдержанности и логичности, и, наконец, с точки зрения исполнимости.

Начнем с первого. Основным заданием пятилетки, как мы видели в начале очерка, является индустриализация страны со всеми вытекающими отсюда послед-

ствиями (повышение роли рабочих, увеличение обороноспособности страны и т. д.).

Соотношение в народном хозяйстве сельского хозяйства и промышленности составляют издавна один из крупнейших вопросов экономической науки. Что важнее? Что является источником благополучия народа и страны — сельское хозяйство, или промышленность? Что в большей мере должна поддерживать правительственная политика? Вот те проблемы, вокруг которых вертится вся экономическая, а с ней в значительной мере и политическая история нашего времени. Борьба за колонию, за рынки сбыта, за источники сырья, фейерверк всяких таможенных конфликтов, договоров и конференций — все это их отголоски. Государства с развитым сельским хозяйством, но отсталой индустрией, бояться за свою внешнею безопасность, опасаются зависимости от заграницы. Наоборот, государства с сильной промышленностью, могущие в день войны прекрасно вооружить свою армию, стоят перед проблемой чем же кормить свою армию, и где брать сырье для своей промышленности. Крайние решения почти никогда не бывают правильны. Страна с наивысшим благоденствием — С. Штаты Сев. Америки, и в ней мы видим приблизительно равновесие удельного веса промышленности и земледелия; тоже наблюдалось и в Германии в годы ее высших экономических достижений перед войной. Наоборот, в Англии сказывался излишний перевес в сторону промышленности.

Уже тем самым, что решение большевиков является в высшей степени решением крайним, оно неправильно. Тем менее выдерживает критику мысль об индустриализации, если принять во внимание конкретные условия в бывшей России, стране с исключительным преобладанием земледелия. Слабая промышленность России могла толкать мысль в направлении изыскания мер для усиления индустрии. Но от „усиления“ еще далеко до того, чтобы вздернуть страну на дыбы и заставить ее хозяйство развиваться в противоположном направлении. Именно последнее задание и ставит пятилетка.

Всевозможные оговорки о том, что правительство принимает и будет принимать все усилия для поддержки земледелия, являются или плохо прикрытым лицемерием, или вынуждаются необходимостью: если бы было можно, большевики, наверное, с удовольствием упразднили всякое земледелие в том виде, как понимаем его мы, и создали бы вместо него схоз. фабрики и заводы.

Абсолютно нет никаких доводов объективного характера за то, чтоб создавать из аграрно-индустриального СССР страну индустриально-аграрную. За то субъективные доводы у большевиков есть: пролетаризация страны, усиление того базиса, на котором они держатся. Большевики прекрасно понимают, что в широких массах крестьянства они не могут себе найти опоры на долгое время. Следовательно, надо увеличить массы рабочих, а крестьян «свести до уровня схоз. рабочих. Неприемлемость такой конечной цели очевидна.

Из кругов русской эмиграции приходится иногда слышать голоса, правда редкие, что создавая сильную промышленность, большевики невольно служат „и России“, что, мол, и толкает часто потурбужных специалистов служить делу пятилетки, не признавая в то же время большевизма. Даже и „с национально-русской“ точки зрения мы считаем такое мнение ошибочным: палка в сторону индустриализации в пятилетке перегнута столь сильно, что дело уже идет не о промышленности „нужной России“, но о промышленности нужной большевикам.

Каждая страна стремится к повышению своей обороноспособности, — это естественно. Но в СССР стремятся к повышению обороноспособности не страны, а именно большевиков, ибо враг мыслится не в образе той, или иной нации, но в виде „капиталистического мира“, противоставляемого миру (?) социалистическому. На долю интересов „национальных“ здесь остается очень мало... Говоря языком большевиков, тут дело идет о борьбе классов. В качестве кумира выставляется класс пролетариата, все привилегии — для него, для него — все, вся пятилетка должна служить именно для него. Почему? — Это покрыто мраком неизвестности.

Мы, постепенно углубляясь, дошли до самых ко-

нечных заданий пятилетки и видим, что и они весьма проблематичны, спорны, и сомнительны, как и задания непосредственные. В этой неприемлемости заданий пятилетки, подчеркиваем, что не в просто неприемлемости с нашей точки зрения, как эмигрантов, но неприемлемости заданий просто с точки зрения широких общечеловеческих идеалов, — есть величайшее осуждение пятилетки со всей ее грандиозностью „перестройки“.

В истории государств бывают моменты, когда во имя высших целей, скажем, во имя победы во время войны, народ обрекается на величайшие жертвы, голод и лишения. Для оправдания этого, однако, нужно одно: несомненность и общее признание всеми высоты и величия ставимых заданий. Этого как раз то и нет в СССР применительно к пятилетке. Народ обречен на бедность во имя получения средств на постройку промышленности, население голодает, чтоб... обеспечить полный паек классу пролетариев и красной армии, товары вывозятся по ценам ниже себестоимости, чтоб... получить валюту для III интернационала! и т. д. Жертвы — бесконечные, усилия, прилагаемые для проведения пятилетки, — огромные, а конечные цели... теоретически спорные и сомнительные, а практически — просто для большинства неприемлемые. Это и есть „социальный эксперимент“ в самом ужасном смысле слова. После него может остаться много новых фабрик и заводов, — это правда, но это еще не задания пятилетки, и оправдания эксперименту они не дают.

Таков наш осуждающий ответ на первый из трех поставленных вопросов, — критика с точки зрения цели всего плана. Если бы мы сузили ее только применительно к нашим Казачьим Землям, то краски бы пришлось лишь сгустить: усиление промышленности для наших Земель может быть важнее, чем для всего СССР, т. к. с одним сельским хозяйством мы навеки бы остались навсегда гигантской фермой — и только, да и довоенные данные форсированного развития промышленности в наших Землях говорят, что к этому дело и шло, но „индустриализация“ в квадрате нам не нужна; нам нужны кадры фабричных рабочих, но постепенное превращение казачества в пролетариат, или в слуг пролетариата — дико и бессмысленно, и т. д., и т. д.

Теперь несколько слов о выдержанности и внутренней логичности плана. Нужно отдать справедливость, что пятилетка идеологически внутренне логична и изумительно выдержана. Это неудивительно. В стране „диктатуры пролетариата“, как и при всякой диктатуре, что — что, а единство плана может быть выдержано всегда, — в этом преимущество всякого централизма и единовластия. Над пятилеткой поработали много, — верно и это. Так же, как в годы гражданской войны большевики сумели использовать и принудили работать на себя военспецов, так и при разработке пятилетки они заставили работать кадры старых специалистов: кого угрозой и силой, а у кого использовав те настроения „о работе не на большевиков, а для страны и народа“, которые охватили не малую часть русской интеллигенции, и на долю которых следует отнести отчасти и то, что большевики так долго держатся у власти. Может быть этим и следует объяснять, что пятилетка фантастична именно в своих идеологических заданиях и предпосылках т. е. в том, над чем трудились коммунисты, но значительно более трезва в области технических планов. В конечном итоге, ни „комбинаты“, ни та же односторонняя электрофикация, ни механизация, ни рационализация, ни всякие другие „аты“ и „ации“ не представляют ничего фантастического в своем техническом отображении. Это просто использование последних достижений современной техники со всеми выгодами, которые имеет всякий новый предприниматель в сравнении со старым. Это те же выгоды, которые имеет молодая германская, или американская промышленность в сравнении с более старой английской: немцам легче строить новые заводы по последнему слову науки и техники, чем перестраивать англичанам свои старые.

Опровергнутая уже жизнью целесообразность государственного и планового хозяйства в промышленности в целом все же дает иногда большевикам и известные преимущества, как, напр., возможность отпу-

скать огромные средства на отдельные предприятия (Днепрострой, завод с.-хоз. машин в Ростове и т. д.). Но, повторяем, вся штука тут не в степени социалистичности планов, а в степени совершенства их технической разработки. Стройся Днепрострой в США, его постройка прошла бы или незаметной, или же, в случае удачи, создала бы имя проектировавшим его инженерам. Большевики же делают из этого рекламу коммунизму: „Смотрите, что можно создать при социализме, полюбуйтесь, что делаем мы — коммунисты!“ А на самом деле делают не коммунисты, а инженеры не коммунисты, создается и строится в СССР все постольку, поскольку на лицо хорошие материалы да техника, и поменьше социализма. Если б откинуть от пятилетки ее коммунизм и социализм, оставить промышленно-технический скелет, да дать ее строить американцам, то быть может при большевических ресурсах и возможностях американцы провели бы ее не в 5, а в 2½ года.

Обобщая вышесказанное, формулируем наше суждение о пятилетке со второй точки зрения (внутренняя проработанность) так: план с идеологической стороны представляет изрядную фантазию, но фантазию выделанную и продуманную; со стороны технической — он выдерживает критику постольку, поскольку сюда не совали нос коммунисты, а проектировали старые специалисты.

Теперь взглянем на пятилетку с третьей и последней точки зрения — ее выполнимости.

Тут промежуток времени, в течение которого план проводится в жизнь даст уже по этому вопросу конкретные материалы. Опираясь на те некоторые советские статистические публикации, которые мы выше признали за солидные и которые считаются заслуживающими доверия и среди ряда экономистов в эмиграции, а также веря в объективность специальной иностранной прессы, следящей с большим интересом за фактической проводимостью пятилетки в жизнь, мы констатируем, что за первые 2 года по промышленности было выполнено 95%—120% заданий плана (т. е. по ряду отраслей пролшшенности имеются достижения большие, чем даже предусматривает план); по сельскому хозяйству исполняемость плана все время катилась в %-ах к низу, пока не докатилась сейчас почти к 100% краху. С началом сплошной коллективизации, а потом „сигналом отбоя“ Салина в последние месяцы в „плановом“ сельском хозяйстве начался такой хаос, что ни одно из ответственных в СССР лиц не берется определить, что же собственно из плана исполнено за этот год. Лишь площадь засева робкие голоса пытаются определить в 1/3 от предполагавшегося количества десятины.

Что же касается положения промышленности в месяцы начавшегося краха плана в сельском хозяйстве, то здесь выполнение плана с 1-го октября 1929 г. до 1 мая 1930 г. характеризуется такими % роста промышленности: объем общего производства увеличился на 29% (вместо задания в 32%), специально по тяжелой промышленности — на 35% (вместо 41% по плану); производительность труда повысилась на 10% вместо 25%; себестоимость понизилась на 6% — вместо 11% по плану. Иначе говоря, можно сказать, что падающее с.-хоз. ударило сразу по промышленности, хотя еще и не отразилось резко на производстве.

Разберемся в этих данных. Главнейших элементов, могущих играть роль в исполнимости, или неисполнимости пятилетки, мы усматриваем три: люди, деньги и система. Чтоб проводить какой бы то ни было план в жизнь прежде всего нужны люди, люди как работники. В сельском хозяйстве этот элемент для исполнимости пятилетки не является слишком угрожающим. Кадры земледельцев — они неисчерпаемы, как во всем СССР, так и в наших Казачьих Землях; недостаток квалифицированной силы в лице агрономов и др. — он может лишь тормозить поступательное движение, возрастание продукции с.-хозяйства, но отнюдь не может еще сам по себе служить причиной быстрого падения. Несравненно „опаснее“ этот элемент для промышленности, т. к. при связанности производственных процессов здесь одно пустое место в личном составе, или занятое лицом несоответствующей квалификации уже сразу создает перебой. До настоящего времени в этой области

большевики на мель еще не сели, но уже начинают садиться и, несомненно, сядут: раздрающий крик „дайте людям, дайте специалистов“ уже катится по всему СССР.

Необходимость иметь кадры специалистов для проведения плана была для его авторов очевидна. Они даже точно исчислили сколько нужно инженеров, техников и т. д. Выше в очерке читатель видел сколько их требуется и для наших Казачьих Земель, — цифры огромные. Но... планировать можно что угодно, но только не „производство людей“. Как женщина не может родить 3 раза в год, так и большевики не могут „выпечь“ свои кадры специалистов в 5 лет. Всякое искусственное „ускорение“ приводит здесь просто к кретинству. Для образования нужно прежде всего время; для создания спецов из „выдвиженцев“, из „рабочих“ и т. д. — время двойное. Большевики могут делать героические усилия, они выпысывают, платя баснословные жалования, иностранных инженеров, посылают сотни людей для специализации за границу, открывают десятки новых учебных заведений (а кто в них будет учить?), — это даст быть может многое, но каплю в море того, что нужно. Пятилетка с этой стороны не была бы по плечу ни прежней России, ни тем более теперешнему СССР, где недавние массовые, а теперь хотя и одиночные, но все же нет-нет, да повторяющиеся кровопускания интеллигенции, ни одного автора пятилетки, наверное, заставляют вспоминать старую поговорку „тот сам себя бьет, кто нечисто живет“. Вопрос этот для большевиков роковой, для полного проведения пятилетки в наших Казачьих Землях — просто безнадежен. Страшная перегрузка работой, большие оклады и те реверансы, которые делает теперь правительство перед спецами, уравнивая их в правах... с рабочими (полный паек! право на квартиру!), — все это лишь судорги, от которых больной выздороветь не может.

Возьмем теперь следующий элемент — деньги. „На земле весь род людской чтит кумир один — златой“. Чтут его и большевики, да только кумир этот к ним не благосклонен. Впрочем, нужно отбросить обывательское утверждение, столь распространенное среди эмигрантов: „У большевиков уже нет денег, они накануне краха“. Прежде всего применительно к совершенно особой социалистической системе денежного хозяйства понятие „краха“ слишком отличается от того, что под этим словом разумеет мы (иначе бы крах наступил уже много лет назад при системе монополии внешней торговли поднятие курса червонца за границей, напр., представляется по меньшей мере лишним), а вот у которых у большевиков денег еще очень и очень много, хотя и совершенно недостаточно для проведения пятилетки. Нельзя забывать, что если Россия и была бедной страной, то лишь в отношении распределения богатства, приходящегося на одного человека, и такового же народного дохода. Абсолютное же богатство, принимая во внимание размеры страны, было, конечно, колоссально. С одной стороны большевики разорили страну так, как не разорят никакой смерч и ураган, но в то же время, считая для себе все средства дозволенными, начиная от доводящих людей до самоубийства налогов и кончая просто грабежом, они имеют в вопросе выкачивания денег из народа такие возможности и ресурсы, каких не имеет никто другой. Это обстоятельство нельзя забывать, удивляясь, да откуда же берут они деньги на свою пятилетку? И все же... для пятилетки денег уже не хватает и не хватит.

Чтоб не утомлять читателя долгими объяснениями, скажем, что сельское хозяйство не только в России, но и в СССР было главным источником государственных доходов. На наших глазах при последней коллективизации этот источник исчез, отчасти даже став источником расхода, т. е. все колхозы требуют от государства очень много, но дают очень мало.

Формулирую окончательно характеристику второго элемента, от которого зависит исполнимость пятилетки, — „деньги“ — скажем: возможности большевиков в этом отношении несравненно большие, чем мы обычно думаем, но пятилетка сама кладет границы этим возможностям; провести линию точно — значило бы га-

дать; помощь за границы — о ней перестали за бесплодностью и неисполнимостью думать и сами большевики.

Остается 3-й элемент — система. Здесь то, в чем сила большевиков, но и их слабость. Здесь то, благодаря чему пятилетка так блестяще выполнялась в течение двух лет в промышленности, и почему страховали теперь все задания плана по сельскому хозяйству. Предписать фабрике выпустить столько то товара при известных данных можно, предписать десяткам миллионов крестьян произвести столько то хлеба — нельзя. Социализация промышленности не меняет техники производства и наше отрицание социализма покоится здесь на своих иных мотивах. Коммунизация сельского хозяйства обуславливает полную перемену системы, техники, формы земледелия, и при этом переменной в такую форму, при которой оно теряет свой смысл и облик. Труд работающего для себя пахаря, труд обусловленный свободной инициативой и личной заинтересованностью, представляет нечто совершенно иное, чем труд рабочего, стоящего у станка и повторяющего 8 часов одни и те же движения на фабрике и социализированной, и национализированной, и капиталистической. Приписывать успехи советской промышленности за счет „коммунистической организации“ могут лишь большевики. Но что промышленность держится благодаря просто „организации“ — это правильно. Здесь большевики создали организацию быть может весьма нецелесообразную, быть может в формах капиталистических промышленность дала бы результаты в два раза больше, чем даст у большевиков, но факт тот, что все же такая то „организация“ есть. В сельском хозяйстве коммунисты создали полную дезорганизацию. То же и с темпом пятилетки.

Сама по себе идея, что СССР не может развиваться в темпе капиталистических стран, правильна: сильно отсталая страна рисковала бы навсегда остаться в хвосте истории мира, если бы большевики стали вести страну по положенным иными странами путям. И с точки зрения большевиков, и с точки зрения „национально-русской“ лозунг „нагнать и перегнать“ поныне. Страшный напор большевиков достоин и удивления и подражания, но... что из этого выйдет? Завести непрерывное производство в промышленности можно, но планировать в таком темпе с-хозяйство нельзя, ибо в нем слишком много зависит и от неуправляемой человеком природы, и от частного недостатка ни для какой регуляции почина десятков миллионов земледельцев.

Резюмируя это все, скажем: сила большевиков в том, что они создали сильную организацию, на фоне хаоса дали план, как таковой; слабость — что формы этой организации создавались не применительно к нуждам содержимого, но по теоретическим доктринам коммунизма, нещадно на каждом шагу опровергаемых реальной жизнью. Пятилетка — иллюстрация этого.

Что же предстоит дальше? Гадать трудно. Несомненно одно. План выдерживался до тех пор, пока не подломилась основная база народного хозяйства — земледелие. Теперь она рухнула и, в виду организационной связанности всего плана в целом, начала тащить за собой к низу весь план. Дальше может быть или отказ от плана, или его кардинальная перестройка. Введи в свое время НЭП, Ленин спас большевиков от гибели. Но для этого нужен был Ленин, отказывать которому в уме не приходится, и обстановка, допускавшая кардинальные перемены. Сталин — не Ленин, а обстановка теперь такова, что перестраивать план — это значит подрубить сучек, на котором держатся большевики, и отказаться на 100% от социализма, по крайней мере в области сельского хозяйства. И то, и другое в одинаковой мере гибельно для коммунизма и ставит под знак величайшего сомнения возможность дальнейшего проведения пятилетки. Все это однако подчеркивает то положение, с которого мы начинали очерк: необходимость следить и изучать все, что творится у нас дома, относясь ко всему с максимальной серьезностью, оставаясь твердо верным своим идеалам, но не ожидая никаких внезапных чудес.

Др. Эренджен Хара-Даван.

Тупики и исходы русской революции.

(Окончание).

Подобно тому как война рождает героев только во время национального расцвета у данного народа, а во время упадка его дает или трусов или изменников, точно также художественная литература отражает, как в зеркале, свою эпоху, в ее характеризующих чертах.

Во время национального расцвета она изображает в беллетристике и воспевает в поэзии национальных своих героев и героинь, а во время национального упадка литература отражает в себе лишь отрицательные черты своего народа. Расцвет русской поэзии олицетворяется А. С. Пушкиным и Лермонтовым, после же их больше не рождаются им подобные поэты. Беллетристика же дала лучших своих художников в лице таких мастеров слова как Л. Толстой и Тургенев, но они изображают мастерски главным образом отрицательные черты своего народа эпохи начавшегося национального упадка, подобно тому, как талантливые художники могут верно и яркими красками передавать на полотне гниль и развалину. Если взять всех русских классиков, то увидим, что самые лучшие и выдающиеся произведения их производят типы с отрицательными чертами, а не положительных национальных героев или героинь, подобно, напр., Орлеанской Деве во французской литературе.

Не странно ли, что русская литература, которую мы привыкли считать высоко гуманной, проникнутой высокими общечеловеческими идеалами, могла породить дикое варварство русской революции (во много крат превзошедшей азиатский деспотизм) коммунистической власти. Ведь русский интеллигент большевик — воспитанник русской литературы. Мы имеем несколько позднее признание и раскаяние в этом в печати Е. Чирикова. Русская литература виновна не только в создании аморальных и бездушных авантюристов и диких фанатиков, правящих теперь СССР, но также виновна и в воспитании бессильной, безвольной, мягкотелой русской интеллигенции, без авторитета и связи со своим народом.

Безысходная лень Обломовых, неспособность ни к какой плодотворной работе Онегиных, Печориных, Райских, Кирсановых и пр., имя же им легион, нигелизм Базаровых, Волоховых; Карамазовщина, Смердяковщина — вот „герои“ упадочного периода нации, избилующего типами гнили и разложения. Ничего способного к созиданию, ничего светлого, сильного, созидательного смысла и радости жизни.

„Русский интеллигент — пишет Достоевский — в огромном своем большинстве есть ни что иное, как умственный пролетарий, нечто без земли под собою, без почвы и начала, международный межеумок, носимый всеми ветрами Европы“.

В императорский период Россия старалась всем аппаратом государственной власти „обрусить и оправдославить“ все свои 106 инородческих наций. Эта задача не только не достигла своей цели, но имела обратное действие, потому что сам господствующий великорусский народ представлял из себя в своей Империи лишь одну треть: из 180 милл. населения их было только 60 милл.

Родственные же великоруссам народы и племена, — украинцы, белоруссы и даже казаки были урезаны в своих политических, культурно-национальных правах и мерами власти русифицировались, наравне с другими инородцами. Этот винегрет оказался слишком большим и неудоваримым, чтобы он мог перевариться в русском желудочном соку.

По принципу, что всякое давление вызывает сопротивление, а угнетение вызывает пробуждение национального самосознания, мы видим после русской революции сильные центробежные стремления и у многих народов б. Р. Империи вместо централизма выявляется сепаратизм. Те народы, которые были уже к этому подготовлены, успели еще в 1917 г. отделиться: Финляндия, Эстония, Литва, Польша, а те народы, ко-

торые к этому не были подготовлены и революция стала их тогда врасплох, готовятся к этому теперь: Украина, Кавказ, Казакция, Ср. Азия и Д. Восток.

Единый плод двухсотлетней обрусительной политики — это обрусение инородческой интеллигенции, приобщившейся к европейской культуре через русскую призму. Потому мы видим интересное для данного времени явление, в то время, как инородческие народные массы бывшей Российской Империи, как менее обрусевшие, живо ощущают потребность в свободе, их успевшая обрусеть интеллигенция поделилась на две части. Одни из них слышат „звуки времени“ и смело идут с своим народом к освобождению от многовекового угнетения, с пафосом, верой и горячей любовью к возрождающемуся своему народу, а другие чувствуют в своей душе пустоту и переживают упадок русского народа вместе с ним.

Но, видимо, перелом произошел. Украинские коммунисты обвиняются своими московскими товарищами в сепаратизме, на Дальнем Востоке, Кавказе, Туркестане — то же самое. До недавнего времени в рядах русских с.-ров около Керенского был видный общественный деятель Туркестана Мустафа Чокаев, пока он не заявил в печати, что становится сепаратистом. Он стоит теперь за независимость всех 30 миллионов турецких народов за Волгой, Каспием и в Ср. Азии, по требованию этих народов с родины.

В „штабах“ бывших российских партий, программы которых давно изжиты русской революцией, мы замечаем интересное явление, в психологии называемое „выпадением событий“. Несмотря на то, что российские демократы изжили свою программу, имея в своих руках власть от февраля до октября 17 г., социал-революционеры пережили уже свою революцию, а их и социал-демократический социализм изживается уже 12 лет „русским опытом“, никто из них свои программы и не думает менять.

Бывшие вожди также мечтают принести домой нетронутыми свои заветы, 10 лет храня их в консервированном виде в эмиграции, не желая знать, что они если и заветы, то уже ветхие, что они изжиты революционным периодом, а теперь ясно выявилась потребность в новых заветах.

Пора осознать, что там произошла не только политическая, а и социальная революция; она, подобно катаклизмам, бывший верхний слой народа или уничтожила или спустила вниз, а бывший нижний слой подняла вверх, разрушила старые мировоззрения и понятия и создала новые.

Когда русская эмиграция вернется домой, с своими заставшими на 1917 г. мировоззрениями то значительной части ее не поймет там народ, мировоззрение которых прошло все стадии, хотя недолгие, но богатого своим содержанием революционного периода, 10 лет которого равняются столетию мирного периода. Эмиграция будет походить на шлизельбуржских узников, вышедших после 25 лет заточения и не узнавших Петербурга на много видоизменившегося внешне, а в своих беседах с интеллигенцией того времени они не понимали их, у них произошло „выпадение событий“ 25 летнего периода. Эти революционные вожди своего времени за 1/4 века отрыва от жизни мирного времени принуждены были представлять интерес только для историков, а не для современности.

Нельзя не отметить особенного сходства в судьбе римлян и великорусского народа. Рим во главе старитальянцев существовал как могучая нация в эпоху Сципионов, в эпоху Пунических войн, когда боролся за право самостоятельного существования и вместе с тем могущественно стремился к расширению. В эпоху Нерона и Адриана римляне были чиновники, откупщики, составляли привилегированное сословие „граждан“, они прилаживались в качестве орудий громадного державного механизма, но уже не были нацией, у них уже не

имелось необходимой для национальной жизни цепкости, жажды расширения, воинственности, резкого отгораживания себя от других.

Эту же разницу придется отметить между великороссами XVI и XIX веков. Катастрофа нашего времени без сомнения составляет отдаленное последствие упадка национальной культуры. В XIX в. стерлись окончательно старинные традиции, развилась раздражительность, утратились самобытные цели и ослабел пульс жизни... События 1917 г. — апогей национального падения. На сцене современных событий были видны все нации Европы, кроме одной самой многочисленной, великорусской, которая уже 12 лет покорно подчиняется нигде небывалому террору половине миллиона большевиков.

Мало того, что национальное чувство пало, но мы видим признаки глубокого морального падения в повседневном быту эмиграции в особенности среди бывшего правящего класса аристократии и бюрократии. Никто из них не встал в свое время на защиту своего царя, никто не дал свою голову за него. Вернейшие слуги царя явили случаи поражающего морального падения. Не говоря о многих случаях поведения штатских, упомянем несколько случаев из жизни военных. Генералы Слашев, Добровольский предались к большевикам, будучи уже в эмиграции; их примеру последовали начальники штаба ген. Кутепова, сперва ген. Доставалов, затем ген. Монкевич, предав несколько голов офицеров, посланных ими же в Сов. Россию для террористических актов.

Как представить возрождение нации в наше время? Когда дело идет о маленькой и однонациональной стране, как Ирландия, Финляндия и Эстония, то как будто дело ясно: на первом месте вопросы самоуправления, самобытной школы, печати. Но что бы значило возрождение государства, занимающего $\frac{1}{6}$ часть света с 150 миллионами жителей, из 106 наций с 366 разными языками по статистике 1922 г.? Как восстановить „Единую и Неделимую Россию“, когда ее народы уже с 1917 г. хотят жить каждый своей национальной жизнью? Опять возвращение к только что развалившемуся империализму? Но ведь у всех инородцев и подчиненных народов уже пробудилось заснувшее под российским гнетом национальное чувство, они уже предвкушают всю сладость и счастье своей свободы.

Шамба Балинов.

Quos ego!)

(По поводу очередного „выступления“ ген. Богаевского).

В журнале „Р. К.“ № 4 Донской Атаман ген. А. Богаевский разрешился очередным лепетом против В. К., но ни одной живой мысли, ни одного серьезного слова, сплошная „интуиция“, догадки и... генеральская угроза.

К несчастью Донского Казачества, он носит высокое звание Донского Атамана, окружен ореолом избранника пятимиллионного народа и уже потому нельзя пройти мимо его „выступления“. Он — формальный политический и государственный вождь, „пожизненный“ глава Донского Казачества, но попирающий все основы представляемого им государства; политический вождь революционного времени, не имеющий никакой определенной казачьей идеи, никакой политической казачьей программы, — что может быть ужаснее для народа, имеющего в такое страшное и грозное для его судьбы время такого вождя!

Полная беспомощность ген. Богаевского в защите подлинных интересов Донского Казачества ярко иллюстрируется его поведением в деле предания суду ген. Врангелем Командующего Донской Армией в Крыму. Этот „эпизод“ заслуживает быть приведенным здесь.

Как это „дело“ возникло? Возвращавшемуся в Севастополь и на пути на несколько часов остановивше-

возможно, что отделившиеся части б. целого будут ссориться между собой, обособляться, отделяться. Лишь постепенно освободившиеся народы образуют тесные группы и союзы, основанные на почве своих национальных, экономических или военных интересов. И только тогда из свободного соединения мелких союзов в союзы крупные получится нечто похожее на лигу народов Востока или нечто вроде соединенных штатов свободных народов.

Для того, чтобы опять пробудилась жизнь в истощенном организме господствовавшего великорусского народа, нужен (? ред.) долгий период одичания и варварства. Может быть нужно, чтобы люди бросили историческую городскую жизнь, (? ред.) прикипили к земле, коснулись нетронутых сил природы, предоставленные самим себе, вне всякой опеки, ушли бы глубже в физическую животную (? ред.) жизнь, чтобы набрать вновь потенциальной национальной энергии для возможного отдаленного будущего нового возрождения.

Наперекор закономерности исторического развития, русская эмиграция мечтает о начале возрождения Единой России через 2—3 года, хотя, правда, многие более трезво смотрят на это, многие „надолго“ устроились за границей или попринимали иностранные подданства.

Из исторических аналогий здесь подойдет превращение античных римлян, эллинов и средне-вековых монголов и персов, в итальянцев и новогреков, в современных монголов и персов.

Надо заметить, что продолжение распада Русской Империи и освобождение ее народов не будет только локальное, местное явление — это знамение времени мирового характера, нашедшее свое выражение после европейской войны в Версальском договоре.

Австро-Венгрия, Германия и Россия, распадаясь, освободили из себя Чехию, Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Румынию и Югославию. В Азии судорожно добиваются своего освобождения 360 милл. Индия и около 500 милл. Китай.

Слишком малочисленны господствующие нации, уже пережившие свой расцвет и склоняющиеся к упадку. Слишком велика правда за многочисленными угнетенными нациями, с пафосом и настойчивостью стремящимися к своему национальному возрождению, чтобы не поверить в окончательное торжество справедливости и человечности в этом мире.

муса в Симферополе ген. Врангелю журналист-осважник Ратимов донес, что Штаб Донской Армии в Евпатории издает газету „Дон. Вестн.“, где „проводится мысль об отделении всего Казачества от России“. И ген. Врангель, по его собственным словам, тут же решил предать суду весь Штаб Донской Армии.

Вот как передает сам ген. Врангель в своих „Записках“ процедуру предания суду ген. Сидорина, Кельчевского и др. „Я предложил г. Ратимову проехать со мной в Севастополь. Прибыв туда, я немедленно послал за Дон. Ат. ген. Богаевским, передал ему доставленные Ратимовым номера „Д. В.“ и предложил ему переговорить с Ратимовым. Оставив ген. Богаевского и Ратимова вдвоем, я пришел к себе в кабинет и тут же набросал приказ.

Закончив приказ, я вышел к ген. Богаевскому. Последний у окна просматривал донскую газету. Вид у него был смущенный и расстроенный. Я протянул ему мой приказ.

— „Вы ничего не имеете против того, что я упоминаю о вашем согласии“.

— „Да, конечно... видимо с трудом, едва слышно, ответил атаман“.

(„Белое Дело“, кн. VI, Записки ген. П. Н. Врангель).

Тут все от начала до конца замечательно! Как энергичный, честолюбивый, захвативший власть ген.

1) „Я вас!“ — возглас, с которым Нептун обратился к разбушевавшимся ветрам (у Вергилия).

Врангель, по простому доносу казенного журналиста мгновенно принимает решение о предании суду всего штаба армии „суверенного государства“ вплоть до того, как глава этого государства „смущенный и расстроенный“, соглашающийся, по „предложению“ Врангеля, решать судьбу Донской Армии вместе с каким то журналистом, а затем, без его, Атамана, согласия составленный приказ о разгроме своей армии, „едва слышным“ шопотом одобряющий „Да, конечно“...

Какое третирование Атамана, а следовательно, и Донского Казачества ген. Врангелем и какая жалкая покорность ген. Богаевского! Невольно напрашивается параллель, когда б. Донской Атаман ген. Краснов в подобных случаях как себя вел гордо и как достойно защищал престиж Донского Казачества.

Два-три общих замечаний по поводу последнего „выступления“ ген. Богаевского, являющимся „ответом“ на брошюру „Ответы Вольного Казачества“.

1) Получение названной брошюры ген. Богаевский нарочито связывает с его посещением чествования памяти покойного адмирала Колчака. Смысл: я, порядочный человек, молюсь за усопших, а вот самостийники не дают мне спокойно помолиться. Странная связь, выражаясь мягко. Память усопших самостийники не оскорбляют, и брошюра ни в какой степени не касается покойного адм. Колчака. Она исключительно посвящена „деяниям“ и действиям живого ген. Богаевского.

2) Ген. Богаевский упрекает самостийников, что „они, не зная, что на нее (статью его) ответить, — не пожалели красок... и т. д. Это называется с большой головы на здоровую. В упоминаемой брошюре все „доводы“ и утверждения ген. Богаевского были разобраны, что называется, по косточкам, опровергнуты (сделать чего не представляло никакой трудности), а в основание вольноказачьего движения выставлен ряд исторических, бытовых, социально-экономических и т. п. положений. Но как раз по поводу этих положений ген. Богаевский не обмолвился не единым словом, видимо, ему нечего сказать против них. Вот почему он счел за благо для себя ограничиться такой стереотипной, более безопасной фразой: „я уже не раз высказывал свои взгляды на „самостийность“ и повторять их не буду“.

Но такой способ борьбы с политическими противниками, выражаясь высоким штилем, называется *Argumentum ex silentio* — выводиться доказательства из умалчивания, к помощи чего всегда прибегают все бессильные, не имеющие возможности честно полемизировать со своими противниками.

Что же касается его заявления, что самостийники выдают его „как злейшего врага Казачества“, можем заявить, что они такого выражения не употребляют, а только говорят, что ген. Богаевский предает подлинные интересы Казачества. Но в такой квалификации поведения ген. Богаевского не самостийники являются первыми. Еще в 1920 г. Председатель Донского Круга В. А. Харламов в своем докладе члену Круга именно так определил общественно-политическое поведение ген. Богаевского, на что последний реагировал слезливым личным письмом Харламову, где между прочим писал: „зачем в докладе нужно было выставлять меня, как предателя Казачества, в лучшем случае, как безвольного, ничтожного человека, по ошибке выбранного Атаманом“...

3) Ген. Богаевский делает сильное ударение на то, что третья статья в брошюре без подписи, но „автора которой (статьи) я хорошо знаю“ — „... автор, видимо, струсил... Сделал гадость В. Атаману, нагнал на него с бешеной злобой всяких неблыщ, многое перепутал, — и трусливо скрылся за анонимную подпись. Так безопасно!“ И ген. Богаевский обещает розыскать автора, путем опроса.

Если в брошюре имеют место ложь, клевета, опорочено честное имя то для восстановления истины, реабилитация честного имени существуют нормальные, законные способы. Мы живем не в африканских джунглях, а в культурной Европе. Организация, издавшая упоминаемую брошюру и готовая ко всякой ответственности за нее, находится в Праге, где находится и представитель Дон. Атамана. У ген. Богаевского име-

ется для этого и свежий пример: живущий в Белграде г. Махин недавно присудил в Парижском суде за клевету близкую по духу ген. Богаевскому газету „Возрождение“.

4) Ген. Богаевский не желает „разбирать всех этих произведений: ничего нового, кроме всяких измышлений по моему адресу, — эти господа не дали: та же злоба против России, — и минувшей и будущей, — и очень мало сказано о России и настоящей, — ведь это чужое для них, враждебное государство!“ — с возмущением восклицает он.

Относительно „измышлений по моему адресу“ мы уже выше сказали. Что же касается злобы самостийников к России трех времен, то ген. Богаевский ничто же сумняшеся сделал маленькую перестановку в утверждении самостийников и на свой вкус „изобрел“ отношение вольных казаков к России прошлой, настоящей и будущей.

У самостийников никаких поводов питать особенных любовных чувств к России прошлой нет. Этого они ни от кого не скрывают. К России будущей у самостийников никакого отношения, тем более „бешеной злобы“ быть не может просто потому, что неизвестно — какая она будет. Это отношение исключительно зависит от самих русских (великоруссов). Откажутся русские (великоруссы) от своих великодержавных тенденций и займутся устройством своей народно-государственной жизни на равных основаниях со всеми другими народами, в том числе и с Казачеством и в братском сожительстве с ними — слава Богу, скажут самостийники. Но Россию будущую, такую, какой она снится в Париже „русским патриотам“, т. е. такую Россию, которая кровью и железом будет подавлять все народы, в том числе и Казачества, самостийники, естественно, желать не могут.

Но явную неправду говорит ген. Богаевский, когда утверждает, что у самостийников „очень мало сказано о России настоящей, — ведь это чужое для них, враждебное государство!“

Ведь самостийники все время только и говорят о „России настоящей“, т. е. о СССР. Всю свою действительную ненависть направляют против нее, где властвуют „собиратели земли русской“ — большевики, решившие физически уничтожить Казачество и действительно на деле уничтожающие. И этой своей ненависти к СССР ни от кого не скрывают, постоянно высказывают, а вот ген. Богаевскому вздумалось утверждать, что они молчат о „России настоящей“, т. е. о большевиках и, как атаман, требует выявления любви к ней.

Пристало ли, как никак, все же формальному главе Донского Казачества, требовать от казаков любви к СССР, в устах Богаевского к „России настоящей“? Очевидно, он не вникает в смысл того, что пишет. Даже близкая ему русская патристическая газета „Возрождение“, при всем своем желании поднять „цену“ Богаевскому, говоря о „выступлении“ его против самостийников („суровая отповедь“) и приводя цитаты из его писаний, очевидно, оступилась в затруднительном положении, ибо из середины целого предложения Богаевского стыдливо опустила „России настоящей“.

5) По совершенно непонятной логике ген. Богаевский к брошюре „ответы“ пристегнул похищение ген. Кутепова и заявляет, что „г.г. самостийники злорадно молчат“, тогда как „все искренно верующие в Бога, горячо молятся“.

Какая логика: в огороде бузина, а в Киеве дядька! 6) Беспокоят ген. Богаевского деньги, якобы, получаемые В. К. „А деньги, видимо, даются немалые. Издание журнала „Календаря“, наконец, книжек, вроде „Ответов В. К.“, ведь все это стоит очень недешево, не считая платы тем, кто кормится около них“, — сокрушается ген. Богаевский.

В этом своем утверждении ген. Богаевский, конечно, по своему прав. Ведь у него большой собственный „опыт“ — имел огромную, многомиллионную Донскую казну и ничего не сделал. А тут голодранцы-самостийники, как хорошо заведенные часы, точно, аккуратно издают единственный большой периодический казачий печатный орган в эмиграции; выпускают первый большой казачий „Календарь“; издают большой научный

труд „Историю Казачества“; книгу „Казачьи Земли“; сборник стихотворений молодого казачьего поэта; создают целую казачью литературу, серьезное казачье политическое движение; объединяют в единую казачью семью сотни молодых казачьих писателей и журналистов, рассеянных по всему свету...

Значит, думает ген. Богаевский, для такого большого дела во сколько же крат больше средств нужно иметь, чем бывшая у меня Донская казна, на которую я ничего не сумел сделать! Он не может себе уяснить, как все лучшие активные, идейные молодые казаки из всех концов мира приходят Вольному Казачеству с моральной и материальной помощью и, не понимая этого идейного процесса, сидя в Париже и благодушествуя, угрожает ужасами этим молодым казакам, в ком эмигрантская нужда не убила еще искры Божией.

7) До сих пор только откровенные „русские патриоты“ проливали крокодиловы слезы, „раскаивались“, что мало казаков вешали, а надо было всех казачьих деятелей поголовно перевешать, как Кулабухова („Царский Вестник“) и что теперь всех казаков-самостийников необходимо взять на прицел и держать их на мушке и не „пущать“ („Голос“). Но теперь к этому хору испугленных послепли присоединить свой атаманский голос и ген. Богаевский. „Будущая Россия... будет помнить и тех (самостийников), кто точил нож на нее“...

Берегитесь вы, сотни молодых, идейных казаков, что рассеяны по всему свету и не забывшие родившее и вскормившее вас многострадальное Казачество! Ваш атаман берет вас на прицел за то, что вы посмели говорить и писать о казачьих страданиях, о казачьих правах!

Так, исчерпав весь свой багаж, за неимением ничего лучшего, ген. Богаевский прибегает к помощи *argumentum bacillium* — (палочное доказательство: колотить вместо того, чтобы доказывать).

8) „Я хорошо знаю, какую ничтожную роль играют среди вас самостийники, несмотря на все их усилия. Не страшны они Родине! Читайте их „В. К.“ и хохлацкие странички в нем: там попадают неплохие рассказы и стихи совсем не самостийного направления“... — пишет ген. Богаевский.

Спасибо и на том. Но тут уже пахнет двусмысленностью: и нашим и вашим, и Богу и черту. На этот раз в искренность совета его верим, верим, что он желает, чтобы журнал „В. К.“ выходил, вольно-казачье движение росло и ширилось, так как существование „В. К.“ лично ген. Богаевскому чрезвычайно интересно, ибо это сильно поднимает его „цену“ в глазах „русских патриотов“. Это повышение ценности Богаевского прямо пропорционально росту вольноказачьего движения: чем больше растет и ширится В. К. движение, тем больше внимание и почет оказывают Богаевскому его высокие хозяева.

Доказательство: а) во время „Зарубежного Съезда“, когда „В. К.“ не было, „русские патриоты“, как милость, предоставили ему, как главе Донского Казачества равное право с... обществом сестер милосердия. Так „высоко“ ценили его тогда, а теперь, после появления „В. К.“, как плата за верность, преданность, граф. Коковцев предоставил представителям Казачества во главе с Богаевским пять мест в Русском Эмигрантском Комитете, о чем ген. Богаевский с радостью сообщает казакам, как о высочайшей милости.

б) теперь „цена“ ген. Богаевского настолько повысилась, что он даже удостоился быть избранным в „Главный Комитет по сбору фонда спасения России имени Великого Князя Николая Николаевича“.

в) такое небывалое внимание настолько обрадовало ген. Богаевского, что он в порыве счастья с несколькими своими приближенными казаками создал в Париже банк, но только не казачий, а русский. Зачем, мол, казачий — это и незначительно и „хозяевам“ может не понравиться. А непременно русский, всероссийский — и невниманность будет соблюдена и интерес больше, но только в банк должны вносить казаки, как то настойчиво советует казакам ген. Богаевский.

Что же касается „ничтожности роли“ самостийников среди казаков, то не пожелает ли ген. Богаевский испытать авторитет свой и силу среди казаков и по-

путно выяснить „ничтожную роль“ самостийников? Ведь для этого есть очень простой способ: созвать из всех живых Членов Круга и представителей всех существующих казачьих организаций Съезд. Слава Богу, из многомиллионной Донской казны должны же оставаться средства, достаточные для созыва подобного Съезда. Со своей стороны и В. К. всемерно стало бы содействовать этому делу: интересно же все таки спросить у самих живых казаков, что они думают, чем гадать на кофейной гуще или брать патент (пожизненный) заявителя подлинного мнения всех казаков.

Но мы знаем, что ген. Богаевский на подобное общественно-политическое самоубийство не пойдет, ибо у него и на этот счет большой личный „опыт“, когда он чуть было не расстался с атаманским перначем. На казачьем Съезде в Пловдиве (Болгария) он сохранил за собою звание Атамана ничтожным большинством. И это ничтожное большинство составилось старанием и голосом того самого ген. Старикова, которого ныне Богаевский взял на мушку. А давно известно — „обжегшись на молоке — дует и на воду“.

Пока же что относительно голословного утверждения ген. Богаевского о „ничтожной роли“ самостийников можем только сказать: кто поживет, тот увидит.

Но как замечательны его два словечка: „хохлацкие странички“. Думается, что в русской литературе трудно будет найти подобное выражение. Уместно будет спросить у ген. Богаевского: когда в 1918 г. он в качестве Председателя Донского Правительства добивался союза с независимой Украиной, — как он называл украинский язык, письмо — „хохлацкими страничками“? Половина Кубанских казаков на этом „хохлацком“ языке пишут эти самые „хохлацкие странички“. Распространяет ли он и на этих Кубанских казаков все свое презрение, выраженное в этих двух словечках? Где же „братья Кубанцы“? И где презренные хохлы? Где ложь, где правда?

После этих общих замечаний, по необходимости непоследовательных, так как я следовал по пунктам, как они изложены в статье ген. Богаевского, мне хотелось бы показать читателям-казакам ту „эволюцию“, проделанную Богаевским: от проповеди о казачьем „самостоятельном, ни от кого независимом, окончательно определившемся государстве“, о суверенности Казачьего государства „независимо от того, как бы ни развернулись события в будущем“, к „Единой, Неделимой“, к двуглавному орлу; показать всю шаткость его ответственных политических заявлений и выступлений, меняющихся в зависимости от времени года и географического пункта, где он в данное время пребывает. Но, чтобы гарантировать себя от возможного упрека в неправдивости, в фантазии и т. д., постараюсь одно физическое лицо Богаевского представить в разных политических лицах по его же собственным словам и официальным заявлениям.

Итак, первый политический Богаевский.

1918-й год. Дон объявлен независимым Государством. Согласно Донской Конституции — во главе Донского Правительства ген. Богаевский. Донское Казачество истекает кровью в страшной борьбе с красной Москвой (ныне для Богаевского „Россией настоящей“). Народное представительство Донского Казачества — Донской Круг является полновластным хозяином Края и указывает, определяет политические пути государственной жизни. Необходимы союзники в борьбе с Москвой. Рядом — независимое Украинское Государство (ныне для Богаевского „хохлацкие странички“), тоже ведущее жестокую борьбу с красной Москвой. Подлинные интересы Донского Казачества требуют, чтобы с Украиной был заключен союз. И вот Председатель Донского Правительства, ген. Богаевский, при наличии верховного Хозяина Дона — Круга лишенный возможности произвола, в полном согласии с казачьими интересами пишет Украинскому Правительству:

Ясновельможному Пану Гетьману Всея Украины.

Нотой от 17 июля с. г. за № 6024 Правительство Украинской Державы заявляет о неизменном желании жить в дружбе с В. В. Д., как с суверенной и независимой Державой; единственное препятствие к призна-

нию Дона самостоятельным и к установлению необходимых добрососедских отношений и к разрешению вопроса о границах Украинское Правительство видит в §§ 1 и 6 декларации Всевеликого Войска Донского, в которых как будто его Правительство просит о признании В. В. Д. самостоятельным и суверенным лишь временно впрямь до образования в той или иной форме единой России.

В. В. Д., уже существовавшее как самостоятельное государство с 1570 по 1645 год, в настоящее время, отделившись от Советской России, объявляет себя вновь вполне самостоятельным, ни от кого независящим, окончательно определившимся и суверенным государством, и с своей стороны, стремясь к самой тесной дружбе и мирному сожительству с Украинской Державой (теперь для Богаевского „холодацкой страничкой“ Ш. Б.), предлагает всем государствам признать его таковым.

Вместе с сим Правительство В. В. Д., постоянно стремясь к поддержке и развитию дружественного и мирного сожительства с Украиной, и признав необходимым для блага населения и развития экономических условий В. В. Д. жить в самой близкой дружбе с Украиной, каков бы строй ни был в России, полагает, что наличие §§ 1 и 6 декларации не должны вызывать толкований о расхождении В. В. Д. с Украиной, в случае образования единой России, а лишь предусматривает, что, если когда-нибудь возродится Россия, то и тогда В. В. Д., отделившееся в настоящее время от нее самостоятельное государство, соблюдая дружбу и связь с Украинской Державой, не изменит Украине своей дружбы. (А как скоро все таки изменил Богаевский? Ш. Б.)

Правительство В. В. Д., полагая, что образование единой России без Дона и Украины, этих мощных и самостоятельных государств с большими территориями и природными богатствами, не мыслимо, — считает, что §§ 1 и 6 декларации отнюдь не могут служить препятствием к тесному сближению и неразрывной дружбе Украины и Всевеликого Войска Донского, как соседних самостоятельных и суверенных государств, идущих по пути взаимной поддержки независимо от того, как бы ни развернулись события в будущем.

Правительство В. В. Д. убеждено, что настоящие намерения помогут скорейшему и окончательному разрешению взаимоотношений между двумя суверенными державами Украиной и Доном на незыблительных началах взаимности и равенства.

Подписал: Председатель Совета Управляющих Отделами и Управляющий Отделом Иностранных Дел А. Богаевский.

Что это?

Подлинная самостийность — скажет всякий человек. И вольные казаки, против которых ныне так ополчился ген. Богаевский, ничего нового, ничего большего не говорят.

В этом только и заключался весь смысл и пафос борьбы Казачества с большевиками. И только в нем был главный залог успеха героической казачьей борьбы. Но к несчастью борьба Казачества за „свой порог и угол“ силою обстоятельств и злой волей некоторых казачьих вождей растворилась в борьбе добровольцев за златоглавую Москву, за „Великую Россию“ и привела к ужасному для Казачества концу.

Об этом единственном смысле борьбы казаков указывает и такой свидетель, как Л. Троцкий в своей книге „Моя жизнь“, II, стр. 187. „Казачество хотело отстаивать свои границы от натиска рабочих и крестьян. Добровольческая же армия хотела взять Москву“. В силу разности природы этих двух сил, разности их целей и задач в среде высшего красного командования произошла борьба: Троцкий настаивал на том, чтобы отделить от казаков Деникина, предоставив казаков самим себе, легче справиться с Деникинщиной. Но победила противоположная точка и „если Деникин не мог поднять Казачество на далекий поход против севера, то ударив по казачьим гнездам с юга, мы помогли Де-

нику. Отныне казаки не могли уже защищаться только на своей собственной земле. Мы связывали их судьбу с судьбой добровольческой армии...“

„В тылу Деникина казаки образовали могучий оплот. Они вросли в свою землю, держались за нее зубами и когтями. Наше наступление поставило на ноги все казачье население...“

„Казаки оставались бы на местах, чтоб охранять свои границы от чужаков, но мы их не трогали бы. Вопрос о Казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, сколько политической...“

Замечательное свидетельство. Если не связись Казачество с Деникиным „мы их не трогали бы, вопрос о Казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, сколько политической“. Т. е. разрешение этого вопроса путем дипломатических переговоров на тех же основаниях, на каких осуществили свою самостоятельность прибалтийские государства.

Этому показанию Троцкого можно поверить, если принять во внимание то тяжелое, почти безвыходное положение большевиков, в каком очутились они тогда: они из естественного желания самосохранения в центре могли примириться с самостоятельностью Казачества.

Но получилось худшее. Казачьи вожди потянули казаков к Москве, а в результате очутились у разбитого корыта. Мало того, и теперь они хотят повести казаков спасать Москву от русского народа.

1920-й год. Крым. Остатки брошенной „хозяевами“ ген. Богаевского Донской Армии в Евпатории. Казачество потеряло свою территорию, власть, очутилось у Врангеля „на положении бедного родственника“. Но все же на лицо Донской Круг, который еще может предъявить кое-какие требования к своему Атаману, в случае чего и скинуть его с поста. Учитывая это, ген. Богаевский ведет себя, хоть на словах, самостийником и подает меморандум представителям Антанты.

— „После выступления лорда Керзона с предложением капитулировать, — рассказывал мне Дон. Атаман ген. Богаевский, — наше Донское Правительство составило особый меморандум, который был разослан представителям иностранных держав. В этом меморандуме мы указывали на историческое право казаков на самостоятельное существование, на их свободолюбие и республиканские убеждения. С насильственно навязанным советским строем Казачество не примирится никогда. В виду этого Донское Правительство настаивало на том, что, если вопрос о борьбе с большевиками бесповоротно будет решен в отрицательном смысле, — независимость Донской территории должна быть гарантирована Антантой. Взаимоотношение советской России и Донцов должны быть только договорными“.

Меморандум этот был препровожден „для ознакомления“ Врангелю.

— „Представляя из себя последние два с половиной года самостоятельное государство с определенными территориями и населением, — писал ему Богаевский, — Войско Донское и при ликвидации борьбы не может быть безгласным свидетелем переговоров. Оросив кровью каждую пядь своей земли, отстаивая старинные вольности, Донское Казачество не может помириться с поглощением его советской Россией и перед Правительством Дона встает вопрос об обеспечении интересов Казачества дипломатическим путем. В случае катастрофы, Казачество не может рассеяться, так как оно привязано к своей территории“.

Так писал и говорил ген. Богаевский об „историческом праве казаков на самостоятельное существование“. Но времена меняются, меняются с ними и люди.

1921 год. После Крымской катастрофы казаки в Турции. Донской Круг стал еще беспомощнее, стал менее опасным для Богаевского, но все же он тут, близко, чем черт не шутит — может еще неприятность какую наделать. Поэтому и Богаевский ведет себя еще самостийником, хотя уже не так решительно, как рань-

ше. Он идет вместе с другими атаманами спрашивать представителя Франции г. Пелле: „В какой мере и в каком направлении казаки могут рассчитывать на помощь Франции и союзников? Могут ли казаки получить в данный момент денежную поддержку, поддержку материальную всеми средствами в случае неизбежности борьбы с большевиками за освобождение Казачьих Областей, а также рассчитывать на поддержку авторитетом великих держав стремления к независимости казаков от сов. России?“

Здесь ген. Богаевским уже проделана некоторая „эволюция“ — самостоятельность постолько-поскольку. Если союзники окажут „денежную поддержку“, если „поддержат авторитетом великих держав“, то можно быть еще самостоятельным.

Но прошли годы. Донской Круг вынужден был, в силу сложившихся обстоятельств, самоликвидироваться,

казаки разбрелись по всему свету. Некому стало требовать от ген. Богаевского отчета о его политическом поведении, как Атамана. С этой стороны для него опасность миновала. На возвращение в Родные Края, а тем более на сохранение атаманской булавы он поставил крест, обеспечив себе из огромной Донской казны безбедное „пожизненное“ существование в столице мира — Париже, и картина радикально меняется.

Теперь „прежде всего русский, а потом казак“ ген. Богаевский изо всех сил старается избавиться от своих временных увлечений, исправить свои недавние „грехи“ по части самостоятельности — поиграл немного и довольно с меня — и по генеральски „топает“ на казаков: не моги, любя „Россию настоящую“. Quos ego!

Спрашивается — какого времени Богаевскому казаки должны верить?

Константин Поляков.

„Вынужденный прогресс“.

На страницах последних номеров журнала — „Родимый Край“ напечатан очерк В. Н. Светозарова — „Народное образование на Дону“.

Несмотря на полноту и обстоятельность этого очерка, надо все же сказать, что большая доля написанного была известна многим казакам уже там, на Дону.

Объясняется это тем, что главным образом, мимо казачьей молодежи не мог пройти бесследно этот прекрасный момент в жизни независимого Дона.

Освободившееся Донское Войско сразу учало необходимость создания крепких кадров новой казачьей интеллигенции для укрепления своей государственности. Результатом этого было открытие целого ряда школ: высших, средних и специальных.

И вот, перед казачьей молодежью впервые широко открылись двери с о их школ, в которые живым потоком влилась молодая казачья интеллигенция. Она шла с полным сознанием своего долга перед своей родиной, зная, что в большинстве случаев она получает ту возможность, которой не могли получить многие казаки раньше, в период совместного существования Казачества с Россией.

Что же говорит об этом автор очерков В. Н. Светозаров? — „Вследствие оторванности Донского Края от остальной России, — пишет он, — Дон вынужден был жить полным темпом государственной жизни“.

Обратим внимание на смысл этих слов автора. Донское Войско, отделившись от России, действительно начало жить „полным темпом государственной жизни“ и мы видели, что принес этот темп.

Но для чего и для кого автор очерка оперирует этим словом „вынужден“? Мы знаем, что в период государственной независимости Дона, во всех областях жизни Края произошло улучшение, жизнь получила могучий толчок к развитию и прогрессу. Между тем, что касается В. Н. Светозарова, то можно подумать, что он неискренно относился к этому улучшению в жизни Донского Войска. Если автор очерка называет это улучшение вынужденным, то на каких же ролях он выступал там, в Донском Войске, занимая столь высокий пост? (министр ведь народного просвещения!) — В таком случае говорят, что человек, не вкладывающий в дело свою душу, работает как специалист, или более характерно, как „спец“. Очевидно будет это приложимо и к автору очерка „Народное образование на Дону“.

Далее В. Н. Светозаров говорит: „Повсюду чувствовалась острая нужда отвечать на многогранные жизненные вопросы“. Но почему чувствовалась острая нужда, автор умалчивает и, далее всячески лавируя, слащаво переплетает имя Казачества с именем России.

Школы, мол, на Дону основывались для Казачества и для будущей России, в которой революция приостановила нормальный ход жизни.

Спрашивается, почему же у Казачества революция не приостановила нормального хода жизни, а наоборот

дала возможность жить „полным темпом государственной жизни“? — Ответ ясен. Он дан историей.

Свобода, пришедшая в 1917 г., была воспринята казаками как возможность восстановить свои исторические права. Казачество поняло, что оно может сделать теперь то, чего не могло осуществить раньше.

И — оно созидало, оно воскрешало жизнь, застоявшуюся за время двух столетий Российской гегемонии.

Зная, что в основе каждого здорового государства лежит семья и школа, Казачество радостно приветствовало открытие своих народных учебных заведений.

Они должны были воспитать свои казачьи силы, силы с цельными душами, умеющими любить, равно как и хранить чувство благодарности к своей Казачьей Родине и не забывающими ее в тяжелые для нее времена.

Мы знаем, какой колоссальный ущерб приносит народу отсутствие у него своих школ. Это обыкновенно бывает у народов, поработанных другими народами. Так было у чехов, поляков, сербов и болгар, живших под властью других государств; так было и есть до сих пор у Казачества.

В таких случаях молодежь бывает принуждена идти в чужие школы (господствующего народа), а так как воспитание и среда имеют большое влияние на каждого человека, то и получалось, что люди теряли свое национальное лицо и становились половинчатыми душами. Такие люди часто стыдятся называться именем своего народа.

Россия великолепно учитывала то значение, которое имеет для каждого народа своя школа. Поэтому, напр., русское правительство, боясь реального оформления казачьего национального самосознания, всячески препятствовало развитию школьного дела в Казачьих Краях. Препяды к этому чинились различными способами. Так, напр., всем известно, как назначенный атаманом Святополк-Мирский, в первой же станции увидев вывеску гимназии, категорически приказал сорвать ее и заменить вывеской ремесленного училища, потому что „казаки должны делать ленчики для седел, а не учиться в средних школах“.

Николай II рекомендовал казакам тоже вместо средних школ строить манежи, потому что казаки должны учиться только верховой езде, а не чему больше.

И вот, в результате такой политики, Казачество замыкалось в узкие, строгие рамки военной службы. Отдельные лица, благодаря своим способностям, выдвигавшиеся из народных масс Казачества, за отсутствием своих высших школ, становились офицерами, т. е. опять таки замыкались той же русской политикой только в военные границы.

Русские верхи торжествовали... Теперь Россия обезопасена от всяких стремлений к самостоятельности со стороны Казачества. Казаки милитаризированы, их интеллигенция почти исключительно восная, а над каждой армией довлеет первое и основное положение: „Армия вне политики“. Каждый намек казачьего офицера

на лучшие времена Казачества, рассматривался верхами как „ересь“ или „вольнодумство“, а за такие вещи никого по голове не гладили.

Казачьи полки использовывались Россией как живой таран, разбивающий, рвущий на части вражьи полки во всех войнах, на всех почти полях сражений. А у них в тылу, в родных краях не было своего кадра общественных работников, преданных только интересам Казачества. Не было тех, кто искренно и добросовестно мог бы защитить жизненное, хозяйственное благополучие их семей и в целом всех Казачьих Земель. Там, в этих Землях, над душой и телом Казачества было чужое начало.

В те тяжелые времена почти вся народная казачья масса и ее интеллигенция носила на плечах погони. Не было своих культурных работников других квалификаций труда, потому что не было своих высших школ.

Но, говоря о том, что казачья интеллигенция, в силу созданных Россией условий, должна была устремляться только в военное русло, следует сказать и о тех немногих, которые, преодолевая большие моральные и материальные трудности, все же попадали в чужие нам высшие школы Москвы, Петрограда и т. д. С ними получалось, в большинстве случаев, то, о чем мы говорили выше. Войдя в русскую школу казаками, многие выходили из нее людьми с разбитой, в национальном смысле, душой, а некоторые и просто ренегатами. Не помогало им и то, что они организовывали в стенах Московского университета маленькие казачьи землячества и станицы. И вот, в результате этого влияния, одни из них, извращая истинный смысл жизни Казачества, даже и в последнее время истерично кричат о том, что они „лучшие русские люди“, забывая то, что было бы гораздо добросовестнее с их стороны, если бы они были только хорошими казаками. Другие же, потеряв совесть и достоинство казачье, хотят служить кому угодно — „монархии или республике“ — все равно, лишь бы служить.

Вот печальный результат отсутствия своих высших школ. В итоге — получились Иваны Безимьянные и Петры Безродные, непомнящие ни своего родства, ни племени.

В 18-ом году, волею судеб, многие из этих лиц получили высшую власть на Дону. Казачество, на границах свою кровью закреплявшее добытую свободу, поручило этим людям оформление своей молодой государственности. Но эти лица, как говорят теперь они сами, — „думали одновременно о России“, т. е., мягко выражаясь, были неискренни с казаками, поверившими им.

Улучшение в жизни Донского Казачества было для них „вынужденным“ и они, будучи обязанными работать на независимость Донского Войска, как теперь оказывается, оглядывались на Москву. Такие „ошибки“, стоящие десятки тысяч казачьих жизней, нами не забудутся.

Заканчивая свою статью, я не могу не привести очевидно оброненную В. Н. Светозаровым в его очерке фразу: „Грустное наследство в школьном деле“, — продолжая мысль автора — досталось нам. Но, кто оставил Дону это грустное наследство, автор очерка по понятным ему и нам соображениям не говорит. Мы же, казаки верные своим конституциям, защищая Казачью Свободу, не привыкли останавливаться на полпути ни на словах, ни в деле и поэтому, категорически ставя точки над всеми „и“ прошлого и настоящего, говорим: — Это грустное наследство, не только в школьном деле, но и во всех делах, досталось нам от российского самоуправления в наших границах. Русская власть не удовлетворилась тем, что к 18-му году оставила нам — „грустное наследство“, — а новая русская власть пошла дальше и в настоящее время не оставляет буквально ничего живого. Творя кровавые эксперименты на благополучии наших родных, она обращает Качачьи Земли в сплошное кладбище.

ДУМЫ И МЫСЛИ.

Гнат Макуха. (Югославия).

СТАРА ПІСНЯ НА НОВИЙ ЛАД.

В дуже давно добу
На Дніпровськiм степу,
Де на воду схилились пороги,
Де тепер все мовчить, —
Їби тихо все спить
Й заросли вже травою дороги;

Де, як вітер дихне,
Дніпр сумну заведе
Про колишню козацьку волю, —
На Хортиці трава,
Як Дніпро проспiва,
Проклинає московську неволю;

Де старий очерет,
Похилившись вперед,
Береже наче б думи козачі, —
А як вітер дихне,
Він сідою тряхне
Й дуже жалібно наче б заплаче;

Де колись, за дiдiв,
В протяг довгих вiкiв
Слава, брате, козацтву кувалась, —
А під гуки гармат,
Бiля церкви та хат
Вся старшина на ради збиралась, —

Була Сiч козакiв
(Твоїх, друже, дiдiв)
Що на волi у полі родилась, —
Що за долю й степи,
Як тi рiднi брати
З ворогами козацтва все билась...

Тепер Сiчi нема...

Гук гармат не луна...

Тiльки Дніпр сумну пісню спiває
Та чужа та орда
Нiмця ще й москаля
Груди рiднiй землі розриває.

Та частенько в ночi
По розваллю Сiчi
Тiнь померших дiдiв ще блукає;
Та московський лемiш,
Як оре перелiг,
Костi рицарiв там розсiдає...

— Як що ти ще козак,
(Не московський крiпак),
Бачиш горе козаче, що плаче, —
Пiди сядь близь Дніпра,
Вiн тобі проспiва
Про всю тугу й бажання козаче...

Десять лет тому назад.

(Отрывки воспоминаний).

Как подумаешь, как считаешь, иной раз, оказывается уже прошло десять лет с тех пор, да еще и как скоро подойдет, а кажется, как-будто все это было вчера и так ясно и остро все еще душа переживает все то, что мне, да и многим моим станичникам, казакам, пришлось пережить, почувствовать на Новороссийской набережной, когда верховное командование сочло возможным бросить тысячи и тысячи казаков на поругание и уничтожение...

Когда я перебираю все это в памяти, вновь пере-

живаю, так получается очень подробно да длинно, что кажется целую книгу написал бы, да боюсь, что слишком много это выйдет для журнала и читателя и потому я буду краток, буду делать, так сказать, мазки, отмечать этапы, ибо все почти казаки это испытали и каждый может недостающее дополнить своими переживаниями.

Помню набитую голодными, больными, грязными людьми и лошадьми пристань Новороссийска. Помню горящие глаза казаков с жадностью и мольбой устремивших взоры на стоящие на рейде суда, на стоящих на сходнях часовых-добровольцев, пропускающих только своих, добровольцев, и с грозным скриком направлявших штык в грудь, отгонявших от сходни всякого казака и калмыка, пытающегося попасть на пароход. Досадно и горько было, что теперь, когда пришла пора последней минуты, мы оказались почему-то не равноправными с русскими, а там, на фронте, как-будто защищать и спасать Россию приходилось больше всего нам, казакам. Вот тут-то я остро почувствовал, как русские относятся к казакам...

Люди волновались, бродили от пристани к пристани, там и сям раздавались выстрелы. То некоторые убивали своих верных товарищей-коней, не желая их отдавать живыми врагам; не желая живым раставаться с ними. Видел я, как молодой калмык трогательно гладил морду своей золотистой кобылы и, сжав губы, еле-еле удерживал слезы. „Что брат, домашний што-ли?“ спросил я, понимая душевное переживание этого калмыка. „Да,“ тихо прошептал он и слезы частыми струями закапали из узких глаз и еще теснее прижимал он свою загорелую щеку к щеке кобылицы, которая грустно смотрела на своего хозяина, будто понимая его горе. „А ты пристрели ея“ — посоветовал один. „Нельзя, нехай живет, может, когда еще увидимся, зачем убивать коней“ — отвечал калмык.

Настала ночь. Жуткая ночь на пристани, там и сям освещаемой желтоватым светом костров. Кругом, мешаясь с людьми, ходили кони отыскивая прежних хозяев, прося пищи. В одной группе подвыпившие станичники тянули щемящую душу казачью песню и еще больше увеличивали тоску и горечь...

Ранним, серым утром исчез в тумане, провожаемый тысячами проклятий, последний пароход, унося счастливых, бросив нас на сечение суровым врагам. Чаше и чаще раздавались выстрелы среди мечущейся толпы — то уже стрелялись сильные духом, решительные люди, иногда стрелялись не только сами, но предварительно расстреливали жену и детей. Одну такую сцену видел я лично сам. То был молодой офицер с молодой, интересной женой и чудным синеглазым мальчиком с курчавыми белокурыми волосами...

Но, вот появились на улицах красные флаги, раздались звуки торжествующей песни, показалась голова конной колонны. То были первые большевицкие части. В море брошенного на пристани народа водворилась мертвая тишина, у многих позеленели лица, губы часто и часто зашептали молитвы...

„Товарищи казаки, война кончена, все вы будете целыми и невредимыми отправлены по домам“, — раздался голос комиссара. Прошла первая колонна. Когда стала проходить другая часть, вдруг раздались крики, выстрелы, плач... То началась дикая расправа с калмыками. Расстреливали, рубили, топтали конями их, не разбирая ни женщин, ни детей, ни стариков. Бедные, как ни прятались среди казаков, как ни лазили меж ног, всюду их находили красные и немедленно расправлялись беспощадно. За что, про что, никто не мог спросить, да едва ли и кто знал...

„Вот, кончат их и приступят к нам“ — шептали многие, срывая погоны, бросая в море шашки, револьверы, срывая и затаптывая в грязь кокарды.

Пришли потом комиссары и погнали нас кого куда, по разным штабам и этапным комендатурам. Многие и многие бесследно исчезали, многих товарищей не досчитывались станичники, но делать было уже нечего.

Отправлены были мы походным порядком, шли через Кубань. Помню Пасху, встреченную нами у одного седобородого кубанца, старика со старухой. Сперва встретили нас молча, хмуро, сразу видно было, что не

рады гостям незванным. Но, когда вечером узнали они кто мы такие, и какие мы — красноармейцы, все сразу изменилось. Долго мы шептались с хозяином, который продолжал твердо верить и утешать нас, что большевики все равно долго не удержатся, что они все равно должны исчезнуть.

Рано утром разбудил нас старик разговляться. Все было на столе, как полагается и хозяева радушно нас потчевали. Оказалось, что у них тоже три сына где-то там... Когда старик, торжественно разрезав священную пасху, стал нам раздавать, у многих из нас стояли слезы на глазах. У каждого была своя причина и еще общая: горечь поражения, горечь осиротелости и горе от сознания страшной беды, нависшей над нашей дорогой родиной, над нашими тихими станицами.

После долгих и трудных переходов, после ряда издевательств пришли мы, наконец, в Ростов. Когда проходили по Большой Садовой, комиссар потребовал от нас пения интернационала. Но мы молчали, т. к. оказалось, что никто из нас не знал этой проклятой песни. На другой же день раздали каждому из нас книжку с интернационалом. А когда засиял вдали златоглавый собор Новочеркасска, все головы потянулись туда, у всех помутнели взоры... Не радостное это было шествие по улицам родной столицы, под командой комиссара, да еще с „пением“ интернационала! Трудно мне передать наше переживание, для того, чтобы это понять, надо это пережить, да не дай Бог ни кому.

На станции Звереве погрузили нас в поезд и отправили на Польский фронт. Быстро убежали родные поля с виднеющимися вдали станицами и хуторами. В вагоне стояла тишина. У каждого была думка: „Не в последний ли раз видим тебя, родная картина“.

Много пришлось испытать на фронте. Трудно себя переделывать и из казаков Донской армии превращаться в патриотов международного интернационала да идти разжигать мировой пожар, будь он трижды проклят.

Одно было утешение, что были мы, казаки, как-то вместе, красные не раскассировали нас по частям, да и трудно было это сделать, нас было много. Дрались мы совсем без увлечения...

У всех была одна думка: „Избавиться“. Сговорились со своими офицерами. Но про их думки скоро узнали и есаул Биркин и хор. Колесников были в одну ночь арестованы и расстреляны. Арестованный с ними сотник Шумков выдал их план и тем спас себе жизнь, да только на долго ли, не знаю.

Подробности перехода нас на сторону поляков уже однажды были описаны и в подробности пускаться не буду. Были с нами и неразлучные во всех наших бедах калмыки. Их было около сорока человек, с хорунжим Захаровым Сараном во главе.

Также много перепитий пришлось нам испытать в первые годы в Польше, ну а потом как-то все устроилось, рассосались и разбрелись. Многие, забыв бывшее унижение и издевательства, стосковавшись по родине и семье, вернулись по домам и теперь, вероятно, подвергаются еще большим унижениям в связи с непрекращающимся походом красной власти на Казачество.

Должен сказать пару слов, что будучи на польской стороне и воюя уже против большевиков, мне пришлось наблюдать истинный энтузиазм польских солдат, видел, как женщины стыдили мужчин, не бывших на фронте, видел сотни молодежи, добровольно идущей на борьбу за свободу своей родины, а до этого видел несознательность и непонимание целей войны у русских солдат, слышал, чем их воодушевляли комиссары — грабежом и польками — и не сомневался, что поляки отстают свою свободу. Так и вышло. Думается мне, что если бы и мы, казаки, не попались бы на удочку большевицких посулов, а были бы едины и тогда еще выдвинули лозунг Свободного Казачества, тогда бы мы тоже не проиграли бы войну. А то шли спасать Москву, а москвичи шли на нас и совсем не хотели освобождаться. Выходило, что не из-за чего нам драться. Теперь будем умнее...

Под конец хочу сказать два слова по „текущему моменту“. Вот видишь и читаешь в нашем журнале „Вольное Казачество“, что там казаки устроили вечер, там совместно отпраздновали, там-то такая-то станица,

хутор, объединение и прочее, а у нас, у казаков в Польше, полная тишина и спокойствие. Да что же это такое? Разве нас мало в Польше? Много нас тут было, а выходит как будто и нет... Вся беда в том, что все занялись только личной жизнью, нет того, кто-бы мог начать и раскатать нас, а надо бы об этом подумать. Если поискать, в каждом округе найдется десяток а то и два казаков, почему бы нам тоже не жить дружной жизнью?..

Е. Кочетов.

Письмо в редакцию.

Глубокоуважаемый, г-н Редактор.

Прошу Вас поместить на страницах нашего дорогого журнала мое искреннее обращение к моим братьям казакам.

Братья каздки всех казачьих Войск!

Десять с лишним лет мы скитаемся по белу свету. Мы измучены в шахтах, утомлены по фабрикам, измо-

рены поденщиной, грызет сердце тоска по родине... Не видим мы своих станиц и хуторов, не слышим мы сладких песен, не видим наших, милых, румянощеких казачек. Кто же нас развеселит?.. Кто же рассеет нашу грусть-тоску?.. Никто, кроме песен и рассказов наших казачки! Где они?.. Они помещены в нашем, родном журнале казачьем.

Дорогие станичники! Довольно слушать нам чужих сказочек! Пора свое, казацкое послушать. Читайте наш казачий сказ, про наше былое Казачества.

Хвала нашим сотрудникам-казакам, за их труды по составлению наших исторических сказов о Вольном Казачестве. Слава Богу, начинает воскресать душа Казачества. Пусть нас с дят, пусть нас клянут. Но мы — вольные казаки. Я — казак. Дум Богам не служу — России и Казачеству. Только моему милому Казачеству. А России худа не желаю, но у нее есть свои сыны — русские люди. Казакам до России дела нет, мы будем с честью Казачеству служить.

Г. М. Александрин. (Болгария).

Иностранцы о казаках.

Иностранная критика о „Тихом Доне“ Шолохова.

На страницах нашего журнала нам уже приходилось писать об отзыве Эсад-Паши в немецком критическом журнале „Литерарише Вельт“ („Литературный свет“) о немецком переводе „Тихого Дона“. Французский перевод первого тома, недавно изданный известной издательской фирмой Пэйо в Париже, отмечен рецензией Андра Пьера в „Кэнзэн Критик“ (критическом двухнедельнике), Владимира Познера в „Нувелль Ревью Франсэз“ („Новое французское обозрение“) и Ф. Неэля в литературной еженедельной газете „Нувелль лигтерэр“ („Литературные новости“).

Следует заметить, что, вообще говоря, французы сравнительно редко пишут рецензии на переводные произведения, — это имеет место лишь в исключительных случаях, тогда, когда переведено действительно выдающееся произведение.

Приведем в сокращении отзывы французских критиков о „Тихом Доне“.

Андрэ Пьер пишет между прочим: „Вот произведение крупного масштаба, впервые приходящее к нам из СССР.“

Герои Шолохова являются крестьянами (?) неизвестного у нас во Франции типа: хлеборобами-солдатами. Эти казаки, которые из станиц приходят в казармы и которые попеременно орудут то саблей то плугом, являются потомками Пугачева и Стеньки Разина, когда то поднявших народ против самодержавия царей; в более позднее время они стали наиболее верными слугами царя.

Шолохов описывает этих грубых и простых крестьян, их нравы, их верования, их традиции. Вокруг семьи Мелеховых целое скопление мужчин и женщин, поглощенных работой в поле, предоставленных своим инстинктивным страстям. Степь и Дон своими мощными водами ограничивают их кругозор. Картины охоты, рыбной ловли, любовные шашни, сцены ревности. Надо всем царит великое спокойствие природы.

Приходит военная гроза. Старики и женщины остаются в опустевших станицах, молодые сражаются в Галиции, в Польше.

Перед нами простирается двойная картина: жизнь полей, жизнь фронта со своей страшной резней.

Сознание этих обманутых существ начинает просыпаться. Верования стариков: Бог, царь, Россия, проваливаются в пропасть войны.

Герой книги, Григорий Мелехов, награжденный георгиевским крестом, рождается для политической жизни. Он восстает против войны, против социальных притеснений, избивает до крови генеральского сына, подло соблазвившего его любовницу.

Первая часть романа заканчивается с концом 1914 года.

Что станет с Григорием Мелеховым? Этот законопослушный казак без сомнения станет необузданным революционером.

Шолохов является не только бытописателем хлеборобской жизни как Реймонт (польский писатель, автор принесших ему нобелевскую премию „Мужиков“).

Это бытописатель великого перелома, вызванного войною, бытописатель отражений войны на уснувшие души „Тихого Дона“ (между прочим переводчики, один из них русский эс-эр Сухомлин, другой — француз Кампо, ухитрились перевести заглавие романа Шолохова не без некоторой двусмысленности: „Sur le Don paisible“ — „На мирном Дону“, пр. ред).

Могущественная эпопея, наилучшая из написанных в Советской России, несмотря на все трудности перевода, хорошо представлена французскому читателю.“

Владимир Познер пишет: „Как только русский роман написан по лучшим образцам произведений девятнадцатого века и описывает жизнь военную и сельскую, этот роман неизбежно будут сравнивать с „Войной и Миром“. Переводчики „Тихого Дона“ не избежали этой привычки. В действительности роман Шолохова не имеет ничего общего с романом Толстого (вопрос о влиянии я ставлю в стороне). Шолохов, выдающийся пролетарский (?) романист, безусловно более одаренный чем Гладков, но не могущий сравниться ни с Артемом Веселым, ни с Фадеевым. Он серьезен, прилежен и несколько однообразен. Чего ради вопить о „Т. Д.“, как о шедевре? Этим можно только дискредитировать русскую литературу в глазах западного читателя. Ведь и в своих истинных границах, этот роман не лишен достоинств.“

Некоторым критикам удастся танцовать только от печки. Танцовать иначе они не решаются. Роль печки в данном случае исполнит отвергнутая Познером „Война и Мир“ Толстого. М. Слоним в пражском ежемесичнике „Словански пржеглед“ („Слав. обозрение“) пишет, что „Тихий Дон“ составлен по точной схеме „Войны и Мира“. „Основная любовная интрига — отношения замужней казачки Аксиньи и молодого казака Гришки, — сообщает нам Слоним, — удивительно напоминает историю Анны Карениной и Вронского“. Если уж действительно „Т. Дон“ составлен по точной схеме „Войны и Мира“, то при чем же тут тогда Вронский с Анной Карениной, которые до сих пор, насколько нам известно, в „Войне и Мире“ никакого участия не принимали. Кроме того, Слоним находит, что характер отца Григория Мелехова, или как фамильно называет его Слоним, — Гришки — явно сходен с портретом старого князя Волконского. Это уже немного больше напоминает „Войну и Мир“, чем „Анна Каренина“, но

все же заметим в скобках, что и Волконского в „Войне и Мире“ нет, также как нет там и Вронского: до сих пор в „Войне и Мире“ выступали только Болконские. Разница, конечно, для людей забывчивых весьма несущественная; но на страницах такого почтенного журнала, как „Словански Пржеглед“ („Славянское обозрение“) такое „критическое“ забвение вряд ли допустимо.

Неэль в „Нувелль Литтерэр“ пишет по поводу „Тихого Дона“ следующее: „Времена конных рыцарских турниров и героических подвигов прошли и казачьи сотни чувствуют на себе мощь вражеских пулеметов. Война не приносит казакам никакого удовлетворения в виде авантур и добычи, и, обостряя их неудовольствие, оживляя их тоску по родной земле и женам, диктует

им с каждым днем все более властно мятежные мысли против режима, который подвергает их бесплодной и смертоносной неволе.

Конец книги заставляет нас предчувствовать, что на берегах Дона, как и в Москве, революция найдет много сторонников и никто не подымется на защиту павшего царизма. Но сохранят ли казаки под большевизмом игом дикое и красивое своеобразие своей страны, их независимой и патриархальной прежней жизни, тот дух востока, которым она когда-то благоухала? Пожелаем же, чтобы Михаил Шолохов рассказал нам об этом в книге столь же трепетной, столь же страстной, столь же волнующей и такой же явственно самобытной, как и настоящая книга“.

М. М.

По страницам газет и журналов.

„Дни“, „Возрождение“, „Новое Время“, „Последние Новости“ и „Руль“.

Положение в СССР ухудшается. Почти нескрываемый уже провал „пятилетки“, в связи с неудачей ее в сельском хозяйстве — провалом коллективизации на Украине и в Казакки (там придавалось ей, коллективизации, наибольшее не только экономическое, но и политическое значение) создают весьма сильную угрозу повторения голода 21 года, если не большего. Это заставляет всех противников СССР или советской власти быть на стороже. Возможных „событий“ там с одинаковым нетерпением, но не с одинаковыми чувствами или надеждами ждут и представители народов, порабощенных сейчас красною Москвою, и русская эмиграция. Каждый готовится к грядущему по своему. Нужно готовиться к нему и нам, казакам. Готовиться самим и знать, что и как готовятся другие, что делают наши друзья или противники.

Большую тревогу за исход будущих событий в Сов. России подняли недавно в Париже А. Ф. Керенский и П. Н. Мялюков, выступившие со специальными докладами, которых (равно как и откликов на них) мы и коснемся ниже.

А. Ф. Керенский выступил в Париже 9 мая с докладом на тему „Коллективизация: политические выводы“ (изложено в „Днях“ от 18 мая, № 89). Нас, в данном случае, больше всего интересует та часть доклада Керенского, которая касается решения грядущими событиями (т. е. падением Соввласти) национального вопроса. Надо отдать справедливость г. Керенскому, ставит вопрос на этот раз он резко и определенно: возрождение или распад?

Мы считаем, что будет не бесполезным привести здесь некоторые мысли Керенского, ибо в этой именно части своего доклада, части, касающейся „сепаратистической пропаганды“, он оказался далеко не одиноким в среде русской эмиграции. Керенский боится, что... „если доказано, что Россия подошла к новому и острому повороту, перелому, то это еще не значит, что Россия непременно возродится, а не разложится под диктатурой“.

„В этом, продолжает он, наша, русская, коренная трагедия. Путь России двухсмысленен. Перед ней два исхода, потому что в ней происходят одновременно два процесса: возрождения и распада. Еще неизвестно, который из них победит... Во всяком случае надо оставить эту великодержавную психологию, что, мол, Россия никогда не распадется, что она возродится, несмотря ни на что, сама собой. Разве мы не знаем, как погибали великие империи?“

Несколько ниже мы сейчас же узнаем, что Керенский понимает под „возрождением“ и „распадом“:

„Борьба в организмах государства начал возрождения и начал распада выражается в столкновении сил центростремительных и центробежных“.

Говоря далее об „опасностях сепаратизма“, Керенский провозглашает: „Блоку сил центробежных должен

противостоять союз всех сил государственных, центростремительных, согласно действующих на почве исторически данной нам сейчас России“.

Это выступление Керенского было понято, как его ответ на вопрос: „должна ли российская демократия стоять за великодержавную Россию?“ — и ответ утвердительный.

Из выступлений в последовавших за докладом прений следует отметить речь В. И. Талина (Ст. Ивановича?), согласившегося с главной частью доклада Керенского, но советуя русским переменить свою тактику по отношению к сепаратизму.

„Может ли „пропажа“ Россия? спрашивает г. Талин“ ... „Я думаю, отвечает он, что пора оставить эти рассуждения о „пропаже“ государства... Конкретно „пропажа“ России мыслится, как ее распад на ряд национальных государств. Мне непонятна та страстность, которую А. Ф. Керенский вкладывает всегда в эту тему. Он исходит, несомненно, из благих намерений, но его подход к вопросу таков, что должен неминуемо нервировать всякого представителя „националов“... .. Всякая реакционная политика власти усиливает центробежные силы. Казалось бы, отсюда нужно сделать тот вывод, что надо бить по причине — усилить борьбу с этой политикой. Мы же обращаем внимание на следствия... Это неправильная тактика. Я сказал бы даже так: не хотите с нами жить? Ну, и не надо! Насильно мил не будешь... Надо было бы вообще когда нибудь поставить такой вопрос: что лучше, жить нам всем вместе в рабстве или раздельно в свободе? Предположим, что „распад России“ произойдет так, что на каждой из отделившихся территорий установится демократия. Я не думаю, чтобы и тогда можно было сказать: нет, лучше быть вместе, хотя бы и в рабстве. Ведь можно себе представить и такое положение, при котором „распад“ России может оказаться вовсе не равнозначным гибели. Вот сейчас есть уже немало людей, которые думают, что отделение от России Польши очень выгодно не только для Польши, но и для России... С „националами“ надо установить хорошие отношения. Это нужно для борьбы с большевизмом (А потом, после борьбы с большевизмом как будет? ред.). Надо с ними начать „разговаривать“ и надо, чтобы российские группировки взяли на себя инициативу этих разговоров... Надо подойти к ним так, чтобы они не видели в нас врагов...“

Отвечая на реплику г. Соловейчика, г. Талин сказал: ... „украинская проблема — очень тяжелая проблема. Но ведь если украинское движение имеет корни в народных массах, то Украина будет независимой. Если же это выдумка некоторых интеллигентских групп или иностранных держав, то тогда его нечего бояться“.

То, что говорил г. Талин было бы, может быть, и лучше того, что говорил г. Керенский, если бы это не было просто тактикой. Программа же их обоих одинакова — федерация — постольку, поскольку... Керенского — жестче, Талина — мягче. „Лично я, заявив Талин, конечно, стою на точке зрения федерации. Но я боюсь, что некоторые из нас относятся к феде-

рации, как к некоторому наименьшему злу: „федерация — „их“ требование, но что же делать? Дадим ее им, черт с ними...“ Эту точку зрения надо решительно отбросить: федерация не „их“, а наше требование, и мы желаем ее и для Украины, и для Грузии, и для всякой национальной группы, которая этого пожелает“.

Такова новая тактика некоторых русских эмигрантов. Что это только тактика, подчеркивал несколько раз и сам говоривший, закончивший свое слово советом переменить тактику по отношению к „националам“.

— Весьма иронически отнеслось „Возрождение“ (номер 1804 от 11 мая) к обоим, затронутым выше особам: и к докладчику и к его оппоненту („социалисты-самостийники и бедный Керенский). С одной стороны — „мечтания“ (у Керенского), с другой — „развязность“ (у Талина).

— А вот г. Д. Персиянов (в „Новом Времени“, № 2717 от 17 мая), так тот даже и разбираться не хочет в разнице между Керенским и Талиным. Для него они оба „эсеровские молодчики“, не знающие „на какую карту сейчас поставить свое эсеровское достоинство: „на великодержавность или расчленение“ (Талин — не эсер, ред.). Не приминув г. Персиянов при сей доброй okazji лягнуть и зловредных сепаратистов. Это они мешают г. Персиянову „создать благоприятную для активной борьбы обстановку, нежели коммунисты...“ — А вы ее, г. Персиянов, пробовали создавать? — Во всяком случае, уже теперь видно, что г. Талину не удалось убедить своих соотечественников переменить тактику по отношению к „националам“.

— Если г. Керенский все еще и никак не хочет уходить в исторический архив и, растеряв своих партийцев, хочет спасти хотя часть своего политического генопі чужим лозунгом „бей сепаратистов, спасай Россию“, то П. Н. Милоков, „лидер республиканской России“, почти безнадежно опускает руки перед „надвигающейся катастрофой“. Таково именно общее заглавие докладов А. П. Маркова, И. П. Демидова и П. Н. Милокова, сделанных на годичном заседании РДО, состоявшемся в Париже 13 сего мая (см. „Посл. Новости“, № 3341, от 16 мая).

По словам Милокова, одна катастрофа в сов. России „уже надвинулась, избежать ее нельзя — она упирается в голод. Но надвигается и другая катастрофа — политическая... Эта катастрофа упирается в падение советской власти“. Эта последняя тема, политическая катастрофа, и явилась предметом выступления Милокова, при чем он разобрал „три возможных исхода: 1. победу правого течения в компартии, 2. войну и 3. внутреннюю революцию“.

В первое возможное „решение“ катастрофы, т. е. в эволюцию, Милоков не верит. В этом отношении он согласен с Керенским („расчеты на эволюцию уничтожены“).

Что касается второго „исхода“, то сам докладчик подчеркивает, что „никто не вербует армии для похода на Россию, никто не собирается нападать на советскую власть“, т. к. „даже страны, боявшиеся призрака мировой революции, теперь окончательно успокоились“. Милоков допустил бы скорее предположение, что в данных условиях войну могли бы начать большевики, т. к. они создают обстановку, при которой винтовки „иногда начинают стрелять сами. Эта возможность не исключена, — и последствия ее для России могут быть неисчислимы...“

Переходя к третьему возможному „исходу“ — „внутренней революции“, — докладчик подчеркивает „благоприятность момента для восстания внутри России... На всем пространстве России сейчас происходит война...“

Что собственно и как же будет с этой внутренней войной, мы так и не узнали. Сам Милоков участия видимо принимать в ней не собирается. „Мы слишком опоздали“ беспомощно заявляет он.

Так вот, пока „катастрофа“ была далеко, Милоков не только знал, что ему делать, но и других этому

учил, сейчас же, когда, по его же словам, развязка приблизилась, П. Н. чувствует себя на распутье.

Что выхода „вождь республиканской России не указал“, свидетельствует и г. Изгоев в своей корреспонденции о докладе Милокова в „Руле“ (№ 2880, от 18 мая).

— А раз не указал выхода, то значит, что П. Н. Милоков в вожди не годится, добавим мы от себя.

С. Маслов. На революционной работе в России.

Подтверждение роста освободительных движений среди народов СССР находим и в недавно вышедшей в Белграде книжке С. Маслова: На революционной работе в России (публичный доклад, читанный в Праге, М. Острове, Белграде, Новом Саду и Суботице, дополненный новыми материалами). На стр. 61, между прочим, читаем:

„Пожирает пожар гражданской войны (теперешней, ред.) и общественные связи, которые сделали народы России членами единого государства. Сепаратистические настроения растут не только среди национальных меньшинств России, но и среди малорусской ветви русского народа... В марте месяце с. г. Ц. К. „Кр. Р.“ писали с юга России: „В наших районах начинают сосредотачивать войска — не то против Румынии, не то против Польши, а может быть и против обеих сразу. Ожидается прибытие „героической конницы“. Все это в связи с ужасами коллективизации создает у населения весьма нервное настроение. Идет самая свирепая самостийническая агитация...“

Переходя к „предвидению“ ближайшего будущего, г. Маслов пишет: „В России нарастают элементы всеобщего, стихийного и неотвратимого взрыва. Когда он произойдет и существующая власть погибнет, государство может разбиться на огромное число кусков с самостоятельной властью в каждом из них. На огромных просторах России тогда воцарится хаос безначалия. В нем откроется простор для игры и разгула центробежных сил... Их проявления теперь сдерживаются железными обручами диктатуры. Когда обручи лопнут, противогосударственные силы вырвутся на свободу. Их разгул будет тем опаснее, что на помощь им могут придти силы международного характера...“

Кто читал книжку г. Маслова, тому не нужны никакие комментарии к этим прогнозам вождя „крестьянской России“. Мы можем только подчеркнуть здесь, что когда в 1917—18 гг. государство уже разбилось было на „огромное число кусков с самостоятельной властью в каждом из них“, то напр., в Казачьих Краях тогда как раз и не воцарился „хаос безначалия“, а было как раз наоборот. „Хаос же безначалия“ принесли туда именно соотечественники г. Маслова — Добармия, которая хотела, но не успела надеть на Казачество „железных обручей диктатуры“, и большевики, которые эти обручи действительно надели. Вообще, что касается „обручей“, то для г. Маслова весь вопрос сводится к тому, кто эти обручи „набивает“: Маслов не хочет чтобы эти обручи набивали большевики, но не прочь стать у них сам. Мы же не хотим вообще никаких обручей — ни большевицких, ни масловских... И что они лопнут, — мы в это глубоко верим, а поскольку хватит наших сил, будем делать все, чтобы не только эти лопнули, но в будущем уже чтобы никто и не натянул их на Казачество.

„Часовой.“

Ген. Миллер, заступив место ген. Кутепова, одним из своих помощников назначил донского генерала Абрамова (между прочим, ген. Абрамов, будучи командиром Донского корпуса, был настолько предан ген. Врангелю, а потом и Кутепову, что, как известно, не признавал и не подчинялся даже донскому Атаману ген. Богаевскому — единоподелимцу вне всяких подозрений). Очевидно, это и „дало“ ему право, при своем теперешнем обезде своих организаций, заявлять, что

„Казачи и моряки присоединились к нам“ (Брно). Насколько нам известно, казаки сами еще не знают о таком „своём“ „присоединении“.

Журнал „Часовой“ — орган военной организации ген. Миллера. В № 29, от 15 апреля с. г. находим вещи, которые категорически опровергают утверждение ген. Миллера. Там только узнаем, как один из донских генералов (Позднышев) всемерно желает и твердо надеется, что Объединение Русского Обще-Воинского Со-

юза (возглавляемого ген. Миллером), казаков и зарубежного Союза русских воинских инвалидов „состоится и час его не за горами“.

Пока, как всем известно, такое объединение не состоялось. Правда, ген. Миллер ген. Абрамова присоединил, но казаки к ген. Миллеру не присоединялись и вряд ли присоединятся, т. к. для них достаточно и недавнего опыта с генералами Деникиным и Врангелем. Казаки будут строить свой Дом — свою Казакию.

Казачья эмиграция.

В поисках земли.

В среде В. К. возбуждает большой интерес открывшаяся новая возможность поставить вопрос о переселении казаков за океан — в Мексику, Сев. Амер. Соед. Штаты или Канаду.

Предварительные переговоры по этому вопросу выяснили, что если бы составила достаточно большая группа организованных казаков (одиночки исключаются), то такому начинанию мог бы придти на помощь американский капитал с тем, чтобы „поставить на ноги“ новую казачью колонию. Землю можно было бы по недорогой цене приобрести в Мексике, С. Амер. Штатах или Канаде (не исключена возможность получения земли и даром, но в этом случае она была бы худшего качества).

Концессионеры исключаются.

Не исключается возможность вести казачью переселенческую акцию параллельно и по соглашению с другими подобными же начинаниями (напр. менонитами, духоборами и др.).

Поставлен вопрос о посылке в Америку специальной комиссии, которая из намеченных уже районов выбрала бы наиболее подходящий и вступила бы в непосредственные переговоры с заинтересованными кругами и надлежащими правительственными учреждениями. Комиссия эта собрала бы там на месте исчерпывающие материалы, касающиеся намеченных районов, относительно их климата, почв, условий экономических, путей сообщения и пр. Пока же в Праге изучаются весьма подробно материалы уже здесь имеющиеся (недавно отсюда привезенные).

Если бы предварительные переговоры закончились благоприятно, то такая комиссия (с участием агрономов и экономистов) могла бы выехать в самое ближайшее время. Окончательно вопрос был бы решен после возвращения комиссии.

Если бы переговоры увенчались успехом, то в следующих номерах „В. К.“ мы осветили бы этот вопрос более подробно.

Предположено вступить по этому вопросу в переговоры и с Кубанским Атаманом, который давно уже интересуется вопросом поселения казаков на землю.

Более подробные информации можно получить в редакции „В. К.“ на письменный запрос.

Казачий пасхальный концерт-бал в Марселе.

Концерт-бал. Как это просто и обыкновенно звучало-бы у себя на родине, где устроители с очень малой затратой энергии, сидя у себя дома, как бы ради развлечения, от избытка сил и средств, назначили день бала и совершенно спокойно ожидали назначенный день. Но здесь в эмиграции, когда все внимание людей, сосредотачивается на куске хлеба, когда непосильная работа систематически выматывает душу казака, устойчивость бала и его техническая организация не так уж проста; требующие максимум энергии, вера в успех и сильная воля, чтобы заставить казаков понять, насколько важно для нас провести успешно свой первый концерт-бал.

За несколько недель до Пасхи было решено общим сходом станицы устроить бал. Казаки своим аккуратным посещением собраний и спевок, как бы предре-

шали успех. Русская колония все-же не верила в такой широкий размах Марсельской общеказачьей станицы, которая только что оправилась от пережитых за 10 лет внутренних болезней.

За 2 недели до Пасхи появились объявления во всех казачьих журналах, в русских и французских газетах, пущены среди публики маленькие афиши-летучки и были вывешены большого размера плакаты, художественно исполненные станичником, художником г. Поляковым, с изображением картин из казачьей жизни.

Особенное внимание останавливала картина из жизни пострадавших от наводнения во Франции, где казаки вплава на конях вывозят французенок и ценности пострадавших.

Появление объявлений в заманчиво ярких красках было громом и безоблачный день для русских, враждебно настроенных к казакам. Враги спохватились и, не медля, пустили в ход все средства для агитации против бала, в особенности это было наглядно в день бала, когда люди почти упрощались не идти на бал, который „устраивают дикари, которые передерутся между собой и нанесут массу оскорблений гостям“.

Вечерет. Солнце садится за горы, ласкаясь и целуя своими последними лучами хмурые лица казаков, собравшихся у квартиры подес. Шепель, чтобы идти поздравить с праздником Христова Воскресения своего станичного атамана полк. Роговец.

Чувствовалось напряженно-нервное состояние казаков, слышавших немало грязи со стороны некоторых русских. После сказанной станичным атаманом захватывающей речи по этому случаю, лица казаков как бы просветились и непоколебимая решимость, появившаяся на хмурых лицах казаков, свидетельствовала, что в первый день, Христова Воскресения — воскреснет и былая слава казачья.

Точно к назначенному часу, масса народу живым потоком быстро заполняла залу, одну из лучших для вечеров в г. Марселе. С нескрываемым волнением казаки ожидали начала концерта. Здесь впервые должен был принят „боевое крещение“ казачий хор Марсельской станицы.

Наконец, раздалась редкие аплодисменты и хористы гуськом потянулись к эстраде. Прием сдержанный, холодный. Невольно сжимались сердца казаков. В зале водворилась мертвая тишина. Взмах руки станичного регента В. Ст. Зорина, и стало ясно, что казаки не оплошали... Стройные чуть заметно неуверенные аккорды понесли по залу. Первой была пропета „Молитва Запорожцев“. Гром аплодисментов наградил хористов, и, уже во второй песне: „Из за леса, леса копей и мечей“, не чувствовалось неуверенности.

Кончилась первое отделение. Публика неистовствует, вызывая на бис. Последующие отделения прошли с большим оживлением и успехом. Выступление казаков в цыганском квартете вызвало в зале бурю оваций. Исполнение лезгинки и казачка довершили победу казаков. Посыпались личные поздравления устроителям бала от русских — друзей казаков и французов, которых была на балу добрая половина.

Казаки! Вы победили Марсель своими песнями, своей мощной спайкой. Поддержите и в будущем свои казацьи начинания, гордо несите свою казачью славу. Готовьтесь к следующему осеннему балу на котором станичный хор выступит в своей казачьей форме.

Всем, принявшим участие в устройстве бала, в особенности Екатерине Николаевне и Луизе Тиграновне, организовавшим пасхальный буфет, — приносим сердечное казачье спасибо.

С. И. Шепель.

Полковник донской артиллерии, казак станицы Есауловской Александр Александрович Кирьянов

на 54 году от роду, в ночь с 15 на 16 апреля скорпостижно скончался от апоплексии в городе Банья-Лука, в Югославии, и похоронен на местном кладбище, о чем с глубоким прискорбием извещают его станичники и ближайшие сподвижники.

Одновременно они считают долгом выразить свою глубокую благодарность местному Югославянскому гарнизону, щедро отдавшему донскому казаку воинские почести. Хор военной музыки, певческий хор с тремя священниками, полевая батарея сопровождали тело усопшего. Такое отношение произвело на нас, изгнанников-казачков, сильное впечатление. Церемонией командовал комендант военного округа, полковник Пашич. При спуске гроба в могилу грянул гром орудий, далеко повторяясь эхом... Но не услышал этого грома старый дед, седой Дон, не услышала и степь широкая... И не ведают они, как хоронили здесь их верного сына вдали от родины.

Спи же спокойно, дорогой станичник, пока не разбудит тебя могучий клич казачий — за нашу честь и Волю. Еще раз спасибо братьям сербам за их отзывчивую душу.

Георгий Алферов.

По поводу Казачьего клуба в Париже.

Клуб, после своих странствований по некоторым русским общественным комнатам, где посещаемость клуба казаками была незначительна, от 15 до 25 чел., кроме штаба, переживает новую фазу. Для того, чтобы увеличить число слушателей, главный организатор клуба г. Марков прибег к помощи русской столовки Гласьер 106, где по субботним вечерам русская публика засиживается и этим пополняется число слушателей.

Первая лекция г. Маркова была 12 апреля на тему: „Государственные задачи Казачества“. Из лекции его я записал то, что находил интересным, а главное — невязки г. Маркова, как например: „Цель клуба поднять казачий авторитет“. „Имея собственные казачьи интересы и стремления, можно сохранить вольности, не нарушая российских интересов“. Такая фраза г. Маркова, произнесенная во время лекции, скрыта под газетной рубрикой: „Казачество должно занять такую позицию, при которой оно не откажется от своего самоуправления, но и не уйдет от России“. Говорил он об украинском и казачьем хлебе, который ест Россия, но если эти окраины отделятся от нее, то она будет покупать хлеб в Америке и Канаде, где большой избыток хлебного запаса. Такую „правду“ г. Марков скрыл под печатанными в газете строчками: „Лектор доказывал, что распадение России угрожает развитию не только той части страны, которая именуется Великороссией, но тяжело отразится и на окраинах, где самостийники хотят создать свои государства“. Много было удивительного. Социалист и демократ, г. Марков заговорил о казачьей ногайке для успокоения крестьянства и для водворения твердой власти в России. Ногайку свою он скрыл под серьезной задачей: „Казачеству, по мнению лектора, придется выполнить и серьезную задачу по созданию в будущей России правового строя“.

После лекции были допущены прения; у некоторых из выступавших они были самостийного характера. Вступить в прения 12 апреля все желающие лица не успели, а поэтому прения были отложены на 26 число. После своей лекции и первых оппонентов г. Марков успел сделать свое заключение (см. Пос. Нов. №3314

ст. в казачьем клубе). После вторых оппонентов, выступавших 26 апр., не успел, ибо помешали два „казачка“ и по всей вероятности пришли не по нутру лектору, а поэтому он решил отделаться от резюме поездкой в Труа (см. Пос. Нов. №3327).

В казачьем клубе много было вылиты грязи по адресу самостийников.

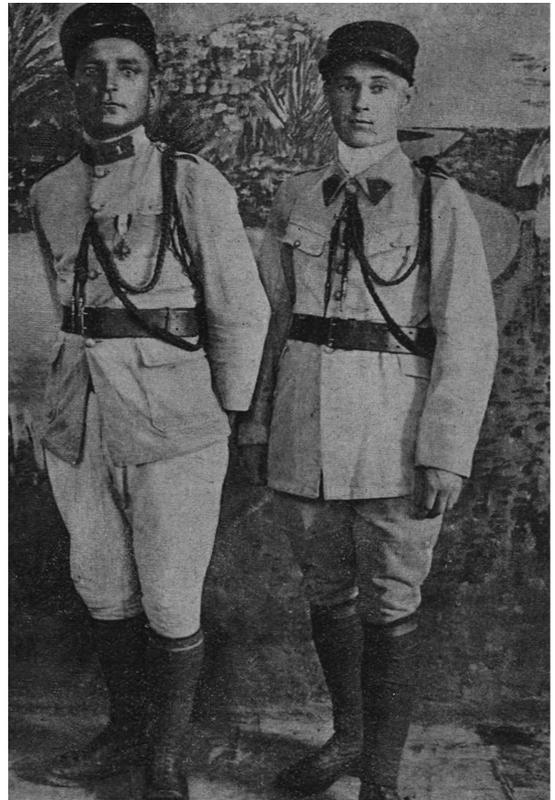
4 мая 1930 г.

(Соб. кор.)

Казачи в Африке.

И куда только волна эмиграции не закинула сынов Казачества! Где только нет теперь казаков и кто только не узнал казака.

Знает о них вся и Европа, и в далекой Америке, и в суровой Азии, и в знойной Африке, знают и в заокееанской Австралии. И поныне они (казачи) хоть с киркой в руках, за станком ли на заводе, за рулем такси, с топором в руках, в иностранном легионе, тяжело, но с истинно казачьим терпением, несут они бремя изгнания. Ни на минуту не забывают они свой родимый край, за который они так недавно отдавали жизнь.

Казачи в иностранном легионе в Африке (слева подхор. Паршинин, справа казак Синятников).

Казачами интересуются, их уважают на всем земном шаре; ценят их песни, в которых обрисована вся их былинная слава. Вон там, в песках палящей Сахары, в частях иностранного легиона, гордо разносятся мотивы казачьей песни, которые мелодично выводят два француза, один немец, два итальянца. Это показывает, как хороша и заразительна наша песня, песня свободы и удалы и признак уважения и внимания к казакам неведомых нам людей.

Так будем же братья сами еще больше стоять за все наше казачье бытие, за имя казачье, его волю и будущую судьбу, теснее сомкнем ряды и с нашей чарующей песней вперед за свободу и волю казачью!..

Георгий Алферов.

Конец О. С.-Х. Союзу?

С конца 1923 г. в ЧСР существует общественно-экономическая казачья организация — Общеказачий С.-Х. Союз, который в начале своей жизни (когда во главе его стояли энергичные, пытавшиеся что-то сделать для казаков люди) проявлял заметную деятельность, вызывая к себе интерес казаков. Об этом интересе свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что в Союзе, по крайней мере по списку, насчитывалось до 2-х тыс. членов.

Но, затем пришли „новые“ (по существу весьма „старые“ люди и Союз сразу вошел в полосу быстрого разложения, отталкивая от себя казаков, каковое разложение ныне благополучно завершилось.

На 17-е мая с. г. было назначено собрание для производства выборов уполномоченных по Пражскому району. В этом районе насчитывается больше 400 членов Союза. По Уставу Собрание считается законным при наличии $\frac{1}{3}$ членов Союза, т. е. в данном случае необходимо было наличие около 140 человек, но на Собрание пришло... около 30 чел. Собрание, конечно, не состоялось.

Такова сила отталкивания казаков от Союза, вернее от лиц, стоящих во главе его. Необходимо отметить, что по первоначальному Уставу Союза Собрание считалось законным при наличии больше половины всех членов Союза данного района. Но нынешние руководители Союза, потеряв всякую надежду собрать такое количество казаков, уже раз изменили закон Союза, снизив кворум Собрания до $\frac{1}{3}$, но, как теперь выяснилось, они не успевают в переделке законов Союза за быстро отходящими от них казаками.

Получив такой „афронт“, всякие обыкновенные люди сделали бы соответствующий вывод. Но мы из опыта жизни Союза знаем, что руководители Союза, несмотря на такое наглядное осуждение их казаками,

будут продолжать делать свое дело: продолжать полномочия старых уполномоченных и будут выступать от имени 2-х тысяч казаков.

В трудное время зародился О. С. Х. С. Когда он учреждался, то ныне царствующие в нем „казачьи отцы“ из республиканско-демократической партии, во главе с В. А. Харламовым „с высоты птичьего полета“ смотрели на это дело, в лучшем случае со снисходительным безразличием думали — посмотрим, выйдет ли что-нибудь из этой затеи. Но, благодаря проявленной учредителями Союза энергии и братской помощи Чехословацкого народа, Союз зажил относительно полной жизнью, поскольку такую жизнь можно себе представить в условиях эмиграции, и в свое время оказал казакам существенную помощь, прежде всего материальную или предоставленным возможности так или иначе устроиться на работу или переехать с этой целью из одной страны в другую.

Когда Союз укрепился и пребывание в нем стало интересным, тогда в его лоно собрались из разных стран казаки „орлы“ от армии и гражданства.

Вместе с тем они пришли с готовым решением — навербовать из среды „людской пыли“ Союза последователей республиканско-демократической (Милюковской) религии. С этого момента на всей дальнейшей жизни Союза отразился партийно-политический подход некоторых „отцов“ казачьей демократии. В своем стремлении „делать политику“ в Союзе эти „отцы“ не всегда стеснялись в средствах для достижения своих целей.

Безраздельно и бесцеремонно царствовали в Союзе „казачьи отцы“, ибо это им было интересно. Но „догорели огни, облетели цветы“. Их метод управления Союзом, их ярко выраженное политическое стремление (Милюковского толка) дали плоды: окончательно убит интерес казаков к жизни и судьбе Союза, что и было ярко продемонстрировано 17/V.

Ш. Б.-нов.

В Казачьих Землях.

Культура кенафа на Кубани *).

(Новый источник растительного жира).

На отыскание новых источников растительного жира люди науки и практики (в особенности во время войны) затронули не мало усилий и времени. С этой целью было исследовано много различных растений, большей частью культурных, а также изучены свойства их масел. Часто же касается дико-растущих растений, то они, за немногими исключениями, почти совсем не исследованы и еще до сих пор ожидают своего „Линнея“. Для работ в этом направлении эти растения открывают для многих людей весьма заманчивые перспективы. Помимо практического, утилитарного значения, эти работы имеют не меньший интерес и с чисто теоретической стороны. Они дают богатый материал для выявления физиолого-химических признаков у растений, установления филогенетической связи между ними и создания „Естественной системы растительных масел“.

Необходимо ли (помимо чисто научного интереса) отыскивать в обширном Кубанском крае (10 $\frac{1}{2}$ милл. гектаров) новые источники растительных масел? Ведь всем известно, что до большевицкого владычества на Кубани сеялись ряд масленичных растений, а с подсолнечника Кубанцы выручали около 7 милл. рублей, не считая дохода с ряда других масленичных растений (лен, конопля, рай дерево). В 1919 г. получено 400.000 пудов сурепного масла, 100.000 пуд. льняного, 87.000 пуд.

*) Кенафа — травянистое растение со стеблями в 2—3 метра вышины, с листьями, похожими на листья конопли, и с крупными желтыми цветками. Из стеблей кенафа, после их мочки в воде, получается длинное волокно, идущее на изготовление веревок и шпагата. — Вязальный шпагат из кенафа прочностью несколько не уступал заграничному (т. н. „манильскому“), а ценою был значительно ниже.

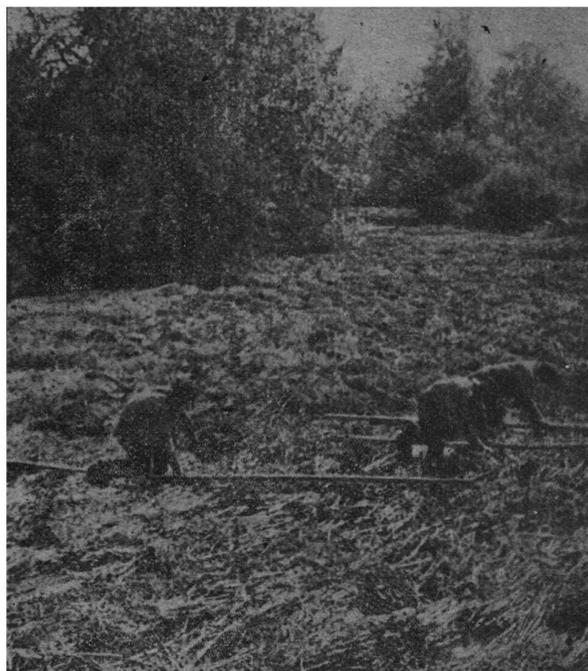
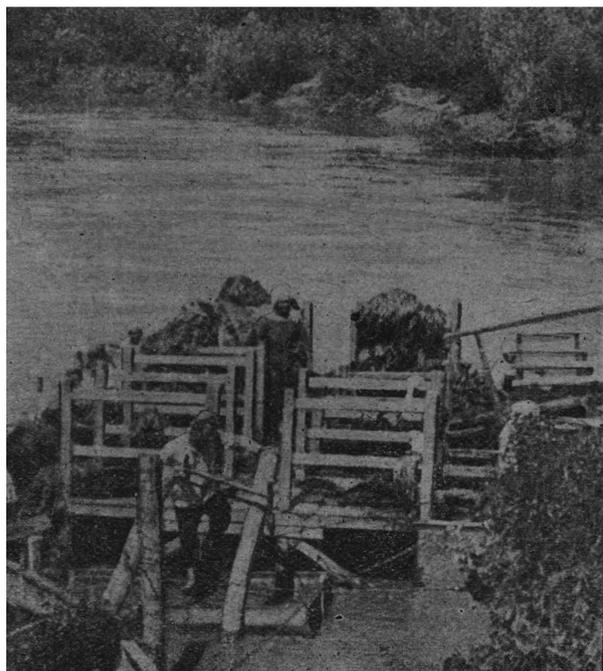
касторового, 27.000 п. конопляного, 1.000 пуд. горчичного масла и ряд других. Кубань, таким образом, по количеству добываемого масла занимает видное место и по сию пору в СССР. Тем не менее попытки увеличить там число с. х. растений, маслянично-пряядильных, каким и является растение кенаф, являются весьма важными.

Как источник растительного жира, кенаф до сих пор ни кем не был исследован. Ни в русской ни в иностранной литературе о нем нет никаких сведений.

На долю Кубанского края выпала завидная роль быть пионером в этом отношении.

Северо-Кавказская лаборатория жиров и масел в г. Краснодаре (б. столица Кубани г. Екатеринодар) первая произвела научное исследование семян кенафа. Производили это исследование весьма популярные для коренных жителей Кубани лица... Взятые для опытов семена кенафа содержали 6,5% влажности, имели нормальную окраску и запах. С помощью аппарата Соксле удалось определить среднее содержание жира в семенах до 20%, иначе говоря, из пуда семян кенафа можно добыть около 8 фун. кенафного масла. Семена кенафа были обработаны бензином и сероуглеродом и масла удалось извлечь на 97%. Полученное этим путем масло имело красивый темно-янтарно-желтоватый цвет, удельного веса 0,93, с запахом свежескопленного; оно было совершенно прозрачно, гуще подсолнечного, но реже клещевинного. Масло же полученное в лаборатории прессованием с подогреванием до 60°, имело более светлую окраску, было менее прозрачно и приблизительно столь же густо.

Не разрешая в окончательной форме вопроса о практическом применении кенафного масла, так как эта часть работы еще не выполнена (в 1928 г.) и находится в стадии разработки, на основании добытых данных, можно с уверенностью сказать, что это масло найдёт себе применение в технике. Оно не действует

Мочка кенафа на р. Белой.

на металлы даже при высокой температуре: предварительно точно взвешенная медная и стальная пластинки были помещены на 5 часов в нагретое до 130° масло, после чего совершенно не изменили своего веса.

Все это, вместе с достаточной вязкостью и малой высыхаемостью, дает возможность применить это масло как смазочное. При раоринировании и гидрогенизации кенафного масла в твердый жир „Саломас“, или „Маслород“, потери составили около 3%. Дальнейшая переработка кенафного саломаса в „Путирин“ дает около 2—3% новых утрат. (Кубанский „путирин“ — продукт переработки саломаса при помощи молочно-кислых бактерий и специальной очистки; почти не отличается от коровьего масла и употребляется в пищу на Кубани).

По сведениям „Северо-Кавказской кооперации“, кенафное масло стали применять при смазке тракторов и его лучшие сорта даже для смазки аэропланов. Произведенные опыты и наблюдения при применении кенафного масла, дали положительные результаты и есть надежда заменить ими дорого стоящее касторовое масло.

Помимо этого значения (новый источник растительного жира), кенаф играет роль и как прядильное растение. На Кубани кенаф начал культивироваться во время Великой войны, хотя отдельные попытки велись и раньше.

О. Батурин.

Результаты коллективного сева на Сев. Кавказе.

Южные округа Северного Кавказа, читаем в сводке „Соц. Земледелия“ 19 апреля, начали сев в этом году в первой декаде марта, а во второй — сев развернулся во всех округах, за исключением Донецкого и Шахтинского. С начала сева прошел месяц. Однако, темп „коллективного“ сева совершенно нельзя признать достаточным — ведь обычный, нормальный срок сева для ранних колосовых культур на Северном Кавказе — две-три недели. Этот срок истек. Пока — план сева колосовых за месяц при коллективизации выполнен лишь на три четверти.

Основная причина запаздывания — слабая организация труда в колхозах. Большинство колхозов начали сев без разработанных рабочих планов. В некоторых

кубанских станицах в первые дни сева невыходы на работу по отдельным колхозам достигали пятидесяти и более процентов.

Процент не коллективизированных хозяйств местами достигает 30 и больше — им большинство округов не уделило своего внимания. Возврат семян единоличникам недопустимо затянулся. Землю им отводили для посева непригодную.

Доставка импортных запасных частей для тракторов запоздала к весеннему севу.

В первые же дни сева тракторы понемногу начали выбывать из строя. Отчасти это объясняется недоброкачеством запасных частей на скорую руку приготовленных северо-кавказскими промышленными предприятиями. Основная беда заключалась в плохом ремонте машин и невнимательном уходе за ними в поле.

Многие колхозы Моздокского и Прохладненской районов (Терек) не обеспечили рабочий скот кормом к полевым работам. В колхозе с. Солдатского, Прохладненской района, лошади уж на четвертый день остались без кормов. Полова задается лошадям не смоченная, а также засыпается в кормушки через головы привязанных к ним лошадей. От этого поднимается облако пыли и овсяга. Пыль забивается в глаза лошадям и вызывает слепоту.

Коллективизация рыбной ловли.

„Правда“, 18 апреля, сообщает, что в весеннюю путину, с благословения краевого рыбацкого союза в большом колхозе, в Темрюкском районе, объединяющем 2500 рыбаков, была введена общая кружка — общий котел для распределения заработка. Лов проходил вяло. Многие рыбаки совсем не выезжали в море. В результате на 10 апреля план выполнен только на 12%. Только 7 апреля начато заключение контрактационных договоров с единоличниками.

Несмотря на то, что склады рыбацкого колхоза завалены снастями, единоличникам, выходящим из колхоза, рыболовные снасти не возвращаются.

„Правда“, 13 апреля, подчеркивая сильное снижение улова рыбы в Донском районе и на Кубани, находит, что главными причинами упадка является плохая организация труда, низкая плата и неясность в системе оплаты труда рыбаков-единоличников.

Первая страда.

В „Социалистическом Земледелии“, 27 апреля, находим весьма яркое описание начала посевных работ в коммуне „Сеягель“, Сальского округа. Руководитель работ, „бригадир“, рассказывает о злоключениях своих тракторов: — В первый же день сломалась муфта сцепления у „Беста“ и теперь мы остались с одним, как с одной ногой. Из трех больших „Опл-Пулей“ (фордзоны) — два в мастерской, а один подвозит зерно. Почти всем мелким машинам нужен текущий ремонт. Отремонтированы безобразно: на первой же неделе подшипники перетягивать приходится. Радиаторы новые есть в Новороссийске, а нам выслали со старыми: не успеешь объехать круг — вода вытекает, а тогда перегрев — и на кладбище.

Текут, баки, не годятся провода, нет аккумуляторов, нет трактористов. Днем шесть фтордзонов дискуют, а ночью четыре: для двух смены нет. Да и те, которые есть — мало опытные.

Сеялки отремонтированы плохо. Одна сломалась на второй же день, регулировка никудашная и два поля засеяли так, что не знаю, как будем убирать.

В общем из восьми больших тракторов пять сразу не вышли, а малые капризничают.

Тракторы без запасных частей, сеялки без тракторов, а солнце как на зло сушит. В наших Сальских степях весны кратковременны, а упустишь — не поймешь.

Колхозы в рыболовстве и падение улова.

„Соц. Земледелие“, 25 апреля, сообщает, что с начала весенней путины прошел уже месяц, но перелома в лове нет. Рыбные организации, особенно кооперативный сектор, к этой путине приготовились плохо, гнались за бумажным количеством колхозов, упустив внутреннюю организационную работу. Азовско-Черноморский район отстает от прошлогодних темпов. Вместо полагающихся 50 проц. план выполнен лишь на 26%. Рыбачьи организации были застигнуты врасплох ранним началом путины и не сумели подготовить лов. Середняка и бедняка единоличника район игнорирует, лишая их возможности лова. Правильное снабжение орудиями лова в районе отсутствовало. Рыбтрестом разогнаны специалисты рыбники. Судремонтные работы производились без всякого учета и к сроку не были выполнены. Была проявлена исключительная грубость к ловцам.

В „Соц. Земледелии“, 8 мая, находим большую корреспонденцию о современном состоянии рыбных промыслов в Кубанско-Черноморском округе: Положение — весьма плачевное. Автор сообщения, Полярный, пишет: „На рыболовство в Черноморском округе привыкли смотреть спустя рукава даже руководящие организации округа, кровно заинтересованные в развитии рыбного хозяйства. В окружном госплане нам дали такое направление: — тут всем этим делом заворачивает колхоз им. Нариманова... кое-что нам наверно сообщит Окортгорготдел. В Окортгорготделе многозначительно отнекиваются: — „Сейчас ничего не можем сказать“... Но настойчивый ряд вопросов заставил одного служащего дать несколько уклончивых и лживых ответов: — „Я обследовал рыбную путину три недели тому назад, как раз в тот момент, когда начался лов рыбы... Состояние артели удовлетворительное, снастей достаточно... Испытывался некоторый недостаток во флотилии, но все таки они своими силами подремонтировали... и бесперебойно выехали“... — Ну, а как идет лов? — В Окортгорготделе не могли найти даже плана путины, совершенно не оказалось сведений размера улова.

На Станичке (пригородный рыбацкий поселок Новороссийска), ожидавшие смены рыбаки вели между собой разговор скоро ли подойдет к нам сельдь.

— Диво дивное, — покачивали головами старики, — и снасти хорошие, и сбруя, и продукты... а ловить нечего!

За последние годы лов сельди резко падает. Значительно упал и лов камбалы. Раньше искусно ловили

камбалу турки, но они ушли отсюда в начале мировой войны, а наши рыбаки пока еще „не приспособились“. Лов кефали и чулара с каждым годом сходит на нет. Раньше эта порода размножалась в Кизельташских и Витязевских лиманах. С закрытием Бугазского гирла (в дельте Старой Кубани около Темрюка) лиманы высохли и рыбе негде делать нагул. Оставшиеся в Кубани кефаль и чулара обычно вылавливаются мальком, при выходе из заповедников.

Рыбаки утверждают, что необходимо либо открыть прежнее русло Кубани, либо устроить шлюзы, через которые пускать в лиманы определенное количество воды, чтобы рыба имела возможность нагула в лиманах.

Угроза весеннему севу.

Сев.-Кавказский Краевой Комитет Компартии, читаем в „Правде“, 6 мая, обсудив итоги хода весеннего сева в крае, признал, что угроза срыва плана продолжает оставаться реальной. Отсутствии перелома в ходе сева за последнюю пятидневку усугубляет эту угрозу особенно по Кубанскому, Армавирскому, Майкопскому и Черноморскому округам.

Таиши и не пушшай.

Колхозники Кулешовки, Белоглинского района, Сальского округа, попросили местную партячейку разъяснить им статью Сталина о колхозах и обращение центрального комитета компартии к колхозникам. Партийная ячейка статьи не разъяснила и даже запретила колхозникам собираться.

— В хуторе Верхне-Серебрековском (Сальский округ) были арестованы за выход из колхозов 8 бедняков. („Пр.“, 27 апреля).

Чужое добро в прок не идет.

В Темрюкском районе конфискованное кулацкое имущество, скорбит „Соц. Земледелие“, 29 апреля, до сих пор не использовано для организации бедноты и батрачества. В районе раскулачено 297 кулацких хозяйств, а кулацких домов изъято всего лишь 192. Но и из этих домов только 47 заселено бедняками и батраками, а остальные или никак не использованы или использованы под канцелярии.

Уход середняков из колхозов.

Одним из серьезных перегибов, отрицательно сказавшихся на развитии коллективизации и весеннего сева, признается „Правда“, 7 мая, является игнорирование середняка-казака, оттирание его от практической работы в колхозах.

Типичными в этом отношении являются факты, выявленные обследованием станицы Роговской, Кубанского округа, где казачье население преобладает. В колхозе „Красный Комбайн“ этой станицы в правлении из 11 членов только один середняк-казак, да и тот недостаточно вовлечен в практическую работу колхоза.

В результате недооценки значения середняков-казачей в этой станице большинство подавших заявления о выходе из колхозов являются казаками. Из 794 заявлений казаками подано 544, в том числе 494 подали казаки-середняки.

Статистика весеннего сева.

А из опубликованной в „Соц. Земледелии“, 9 мая, сводки о результатах сева на 6 мая, в Сев.-Кавказском крае посеяно (в тысячах гектаров) у колхозников 4,629; у единоличников 128, в совхозах 229, всего разом 6141, что составляет всего 71% плана.

По сводкам, опубликованным в „Соц. Земл.“, 10 мая, 33 кооперативные машинно-тракторные станции на 9-ое мая на Сев. Кавказе вместо предполагаемых им по плану 590 тыс. гект. посеяли лишь на 393 тыс. гект., что составляет всего лишь 65% посевного плана.

Список книг, газет и журналов, поступивших в редакцию с 1-го до 25 мая.

Елисеев. „История Войскового Гимна Куб. каз. Войска“.
„Тризуб“ № 18, 19, 20.
„Січ“ № 7, 8, 9.
„Вперед“ № 9, 10.
„Українский Хлібороб“ № 12, 13.
„Жіноча Доля“ № 16, 17, 18, 19, 20.
„La Macedoine“ № 137, 138, 139, 140.
„France-Orient“ № 70.
„Кавказский казак“ № 4, 5.
„Родимый край“ № 4.
„Хлібороб“ № 275, 276.
„Розбудова Нації“ № 3—4.
„Правда і Воля“ № 1^а, 16.

Ис. Ф. Быкадоров.

Донской казак

Тимофей Разин

(Сказы про старобытье казачье).

Вышло отдельной книжкой. Приобрести можно в редакции „В. К.“

Цена: в ЧСР — 6 к. ч., за границу — 20 ам. ц.

Книжку полковника Ф. Елисеева „История Войскового Гимна Кубанского Казачьего Войска“ можно приобрести в редакции журнала „В. К.“ за 7 кр. ч.

Вышел и поступил в продажу

Календарь-Альманах

„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

на 1930 год

Цена Календаря-Альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгарии — 50 лева, в др. странах $\frac{1}{2}$ ам. долл.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“.

Вышла и поступила в продажу книга

Ис. Ф. Быкадорова

История Казачества

Кн. I: Происхождение Казачества. Возникновение республик Вольного Казачества — Донского, Воляжского, Яицкого и Терского Войск. Основные черты их бытия в период государственной независимости (1549—1671 г.).

Обращаться по адресу редакции „В. К.“: Praha XII, Radhoštská, 9.

Цена 20 корон ч.-сл. (0.60 ам. долл.).

